

САЙКАКУ

ИХАРА

ПОД СЕНЬЮ САКУРЫ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Ихара Сайкаку
Под сенью сакуры

«Издательство АСТ»

1690

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

Сайкаку И.

Под сенью сакуры / И. Сайкаку — «Издательство АСТ»,
1690 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-152024-3

Художественная манера Сайкаку замечательна своей неоднозначностью. На глазах у читателя постоянно происходят метаморфозы и чудеса: автор без устали меняет маски, превращаясь из моралиста и бытописателя в лукавого, неистощимого на выдумки и шутки рассказчика. «Смех, – писал Сайкаку, – бывает двух видов: пустой и тот, что идет из глубины сердца. Человек же подобен сосуду, вмещающему в себя ложь или правду». Ирония, сарказм, пародийный гротеск – излюбленные приемы автора, но в смехе его слышна печаль о превратности жизни и человеческой судьбы. Жанровый диапазон творчества Сайкаку необычайно широк. В этой книге читатель найдет разные по характеру произведения – любовные, бытовые, волшебнo-фантастические, судебные и пр. Некоторые из рассказов публикуются на русском языке впервые.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-17-152024-3

© Сайкаку И., 1690
© Издательство АСТ, 1690

Содержание

Ихара Сайкаку и его «Рассказы об изменчивом мире»	6
Журавль, летящий к западу	6
«Скромный ренессанс»	7
«Это по-голландски!»	10
Рассказы об изменчивом мире	12
«Дар передразнивания»	18
Из сборника «Двадцать непочтительных детей страны нашей»	20
Добро и зло в одной упряжке недолго ходят	20
Приписка, оставленная на изголовье	23
Горе, вылетевшее из рукава	25
Общество восьмерых пьяниц	27
Кичливый силач	29
Из сборника «Дорожная тушечница»	32
Чертова лапа, или Человек, наделавший много шума из ничего	32
Долгий путь к знакомому изголовью	35
Чудесные звуки барабанчика, завлекшие странника	37
Кому веселая свадьба, а кому – река слез	39
Драконов огонь, что засиял во сне	43
Опрокинутое надгробье	45
О монахе, который побывал в аду и в раю	48
Новая Тюдзё-химэ[109]	51
Беда, проросшая из бамбука	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ихара Сайкаку

Под сенью сакуры

© Перевод. Т. Редько-Добровольская, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Ихара Сайкаку и его «Рассказы об изменчивом мире»

Журавль, летящий к западу

«Отпускать шутки и писать остроумные вещи есть свойство умов великих...»¹ Эти слова Сервантеса можно с полным правом отнести к знаменитому «осакскому насмешнику», вошедшему в историю японской литературы под именем Ихара Сайкаку (1642–1693).

Ихара – фамилия писателя, Сайкаку – псевдоним, который по смыслу составляющих его иероглифов означает «Журавль, летящий к западу». Оба эти слова несут повышенную семантическую нагрузку: журавль – символ долголетия, запад в буддийской символике – Чистая Земля, рай будды Амиды. Однако в японском языке существует и слово-омофон «сайкаку» со значением «сообразительность», «смекалка», «деловая сметка». Не исключено, что писатель вкладывал в свой псевдоним и этот смысл, намекая тем самым как на свое купеческое происхождение, так и на прославившую его словесную находчивость и изобретательность.

Сайкаку занимает почетное место в ряду писателей-классиков своей страны. Его произведения переведены на многие языки мира. В Японии написаны сотни книг и статей, посвященных различным сторонам его творческой биографии. И все же Сайкаку по сей день остается одной из самых загадочных фигур в истории японской литературы.

Певец любовной страсти – и суровый моралист, призывавший читателя остерегаться женских «хитростей» и «проказ».

Жизнелюбец, человек отнюдь не аскетического мировоззрения – и отшельник, окончивший свои дни в уединенной хижине.

Летописец города, не боявшийся «рыскать по грязным закоулкам современной жизни» (так неодобрительно отозвался о нем его великий современник – поэт Басё), – и виртуозный мастер поэтических сцеплений, намеков и реминисценций.

Романист, воспитанный на традициях средневековой литературы, – и смелый ниспровергатель литературных норм и приличий.

Профессиональный сочинитель, работавший по заказу издателей, принужденный ориентироваться на вкусы публики, – и создатель бессмертных шедевров, пленяющих богатством фантазии и поныне хранящих свое живое обаяние...

В предлагаемую вниманию читателей книгу включены произведения Сайкаку, написанные в разные годы и в разных жанрах. Каждому из них присущи свои особенности, свои характерные черты. Но, взятые вместе, они образуют некую художественную целостность. Во всем, что создано писателем, безошибочно угадываются черты его зоркого, ироничного таланта. Творчество Сайкаку – плод индивидуального художественного стиля и индивидуального художественного сознания.

Рождение этой новой и неповторимой по своему своеобразию творческой личности было во многом обусловлено характером эпохи, несшей в себе могучую энергию перемен.

¹ Мигель де Сервантес Сааведра. Хитроумный идальго Дон-Кихот Ламанчский. Часть Вторая. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 34. (Перевод Н.М. Любимова.)

«Скромный ренессанс»

XVII век был поворотным этапом в жизни Японии. В 1603 году князь Иэясу, основатель могущественной династии Токугава, сокрушив сильных и непокорных противников, провозгласил себя сёгуном – верховным военным правителем и объединил раздробленную на отдельные феодальные княжества страну в централизованное государство. Отошли в прошлое века кровавых междоусобиц и смут, установился долгожданный мир, и Япония вступила в новый период своей истории.

Началась так называемая «эпоха Кинсэй» (буквально – «ближние века»), длившаяся более двух с половиной столетий и занимающая промежуточное положение между Средневековьем и Новым временем.

Главной приметой этой эпохи стал невиданный расцвет городской цивилизации. Центрами культуры были уже не дворцы и не монастыри, а крупнейшие города того времени – Киото, сохранивший величие и престиж древней столицы Японии, новая сёгунская столица Эдо, порт Нагасаки, куда разрешалось заходить иностранным торговым судам. И, конечно же, родной город Сайкаку – Осака, о котором русский книжник, автор рукописной «Космографии» 1670 года, сообщал:

«...Есть город Оссакая, славен и вельможен. И волен во всем. Во всех восточных царствах славнейший. К тому городу из разных окрестных государств с разными товарами приезжают, ярмонки и торговли великие бывают. Жители того города – торговые люди. Средней статьи [жители] – всяк имеет 10000 золотых червонных и больше. А большой статьи – несказанного богатства купцы»².

Сословная система того времени выражалась формулой: «самураи, земледельцы, ремесленники, торговцы». Поставленные феодальным законом на низшие ступени социальной иерархии, не обладавшие ни привилегиями, ни какой-либо политической властью, горожане, особенно купечество, сосредоточили в своих руках реальную экономическую мощь и огромные богатства. В финансовую зависимость к ним все чаще попадали феодалы, которых те ссужали деньгами под залог имущества, вплоть до земельных участков. Богатые купцы окружали себя роскошью, способной вызвать зависть даже у представителей самурайской знати.

В 1649 году правительство издало указ, свидетельствующий не столько о жесткой притеснительной политике властей в отношении горожан, сколько об экстравагантности вкусов последних: им запрещалось носить повседневную одежду из шелка, жить в трехэтажных особняках, украшать жилище золотой и серебряной фольгой, пользоваться лаковой утварью, расписанной золотом.

В произведениях Сайкаку можно встретить немало иронических замечаний по поводу овладевшего горожанами духа расточительства. «В последнее время, – писал он, – купеческие жены сплошь и рядом потянулись к роскоши. При том, что у них нет недостатка в одежде, каждая норовит заказать себе к новомуднему празднику наряд по последней моде. Ей угодно, чтобы он был сшит из самого дорогого шелка, да еще расписан самым изысканным узором, так что плата мастеру перекрывает стоимость самой материи... Пояс ей подавай из настоящего атласа, какой в старину завозили к нам из Китая. Право, уж лучше бы она опоясалась монетами из чистого серебра! Гребень у нее в волосах, должно быть, тянет на два золотых – с таким же успехом она могла бы украсить прическу тремя полновесными мешками риса!»³

² О Японии, или Япан-острове. // Л. М. Ермакова. Российско-японские отражения. М.: Наука – Восточная литература, 2020. С. 314.

³ Все цитаты из японских источников, за исключением особо оговоренных случаев, даются в переводе автора статьи.

Городская жизнь XVII века была, как никогда прежде, интенсивной и разнообразной. Быстро разрастались торговые улицы, с ними соседствовали кварталы увеселительных заведений и театров. Эти «нехорошие места» служили центром притяжения и для знати, и для незнатного люда.

Гетера – законодательница мод, певица и музыкантша, обученная не только тайнам «науки страсти нежной», но и искусству поэзии, каллиграфии, аранжировки цветов, – влекла к себе сердца как светских щеголей, так и представителей художественной элиты. Ремесло жрицы продажной любви не считалось позорным. Напротив, образ «юдзё» – «девы веселья» был овеян романтическим ореолом и, по идущей от Средневековья традиции, ассоциировался не только с женской красотой, но и с высшей мудростью: переменчивость ее сердца олицетворяла непостоянство всего сущего как универсальный закон бытия.

Эпоха Сайкаку, какой ее запечатлело искусство, проникнута ощущением пышности, свободы и праздника, что вполне объяснимо, если оглянуться на предшествующие века японской истории, сопровождавшиеся жесточайшими потрясениями и катаклизмами. И хотя, как у всякой эпохи, у нее имелась и своя неприглядная изнанка, это было время, когда, по выражению американского исследователя Г. Гиббетта, «недуги сёгуната, ставшие уже хроническими, еще не успели перейти в стадию обострения»⁴.

Правительство Токугавы поощряло просвещение. Князю Иэясу, первому сёгуну из династии Токугава, приписывается следующее высказывание: «Как может человек, далекий от Пути Просвещения, должным образом управлять страной? Единственным способом приобщения к знаниям служат книги. Посему издание книг есть первейший признак хорошего правителя»⁵. Под просвещением в ту пору понималось прежде всего приобщение к конфуцианскому учению, ставшему государственной идеологией. С этой целью в стране было создано множество школ, как правительственных, так и частных. Наряду с выходцами из привилегированного сословия возможность учиться в них получили и дети горожан.

С ростом грамотности возникла потребность в книгах. Дорогостоящие рукописи не могли удовлетворить возросший читательский спрос. С появлением в 20-х годах XVII века коммерческой печати широкое распространение получило книгопечатание способом ксилографии. Оттиснутые с резных деревянных досок, книги стали издаваться большими тиражами, с искусными черно-белыми иллюстрациями и выполненным каллиграфической вязью текстом. Они были сравнительно недороги, доступны даже горожанам средней руки.

Значительное место в книжной продукции XVII века занимали произведения японской классической литературы X–XIV веков: «Повести Исэ», «Повесть о Гэндзи», «Записки у изголовья», «Рассказы, собранные в Удзи», «Записки от скуки», «Собрание старых и новых песен Японии», «Сто стихотворений ста поэтов» и др. В числе первых коммерческих изданий того времени оказывались и некоторые сочинения китайских авторов, например, собрание судебных казусов Гуй Ваньжуна «Сопоставление дел под сенью дикой груши» (XII в.) и сборник дидактических притч XIII в. «Двадцать четыре примера сыновней почтительности». В ходе приобщения к литературному творчеству представители новой японской интеллигенции, формировавшейся главным образом из горожан и выходцев из захудалых самурайских родов, осваивали художественное наследие прошлого.

На протяжении XVII столетия городская культура проделала большой путь. Чутко реагируя на происходившую в обществе смену нравственных приоритетов и эстетических предпочтений, она менялась сама и одновременно меняла облик того, что принято именовать японской художественной традицией. Эта культура демократична и носит по преимуществу светский характер. Буддийские идеи и символы, определявшие существо интеллектуальных

⁴ H. S. Hibbett. The Floating World in Japanese Fiction. Tokyo, 1975. P. 7.

⁵ K. P. Kirkwood. Renaissance in Japan. Tokyo, 1970. P. 30.

и художественных движений предыдущих эпох, утратили свое универсальное значение и подверглись заметному переосмыслению под натиском новых представлений о мире, диктуемых опытом повседневной практической жизни и обусловленными ею ценностями.

Для обозначения земного бытия культура XVII века по-прежнему использовала известное еще со времен раннего Средневековья слово «укиё» («плывущий», быстротечный, изменчивый мир), но теперь оно отражало не столько буддийскую идею иллюзорности и непостоянства всего сущего, сколько представление о сиюминутных радостях и удовольствиях «мира сего»:

Жизнь – всего лишь наважденье,
Но ведь хороша!..
Станет плоть бесплотной тенью,
Отлетит душа.
Наслаждайся же покуда,
Балуи естество:
Пей, да пои, да веруй в чудо —
Больше ничего!⁶

В XVII веке слово «укиё», не утратив традиционных смысловых коннотаций, приобрело такие новые значения, как «чувственный», «легкомысленный», «современный». На языке того времени выражение «одержимость укиё» означало «разгульную жизнь», под «разговорами об укиё» разумелись пикантные сплетни, «напевами укиё» именовались модные песенки вроде приведенной выше, а если кого-нибудь называли «укиё-отоко», можно было не сомневаться, что речь идет о щеголеватом повесе. *Укиё*, изменчивый, превратный, но от этого тем более привлекательный, а главное, соразмерный человеку мир – краеугольное понятие культуры того времени.

Осознание самоценности земного бытия было открытием, за которым, однако, стоял духовный опыт культуры XIV–XVI веков, развивавшейся под знаком дзэн-буддизма. Дзэнская мысль о тождестве эмпирического и истинно сущего, суетных страстей и просветленного бесстрастия послужила той почвой, на которой выросла жизнелюбивая, гедонистическая культура XVII века. Сутолока повседневной жизни проникала в литературу, на театральные подмостки, в условно-декоративный мир живописи, освежая и обогащая язык искусства. Складывался новый художественный стиль, в котором «умозрение» средневекового художника вытеснялось реальным «зрением»⁷, а обобщающей символике классических образов противопоставлялась сила непосредственного чувства и яркость конкретного жизненного наблюдения.

Расцвет этого нового по духу и стилю искусства приходится на последнюю четверть XVII века – период, который, по выражению Дж. Сэнсома, стал для Японии «скромным ренессансом»⁸. Именно тогда, вдохновляя друг друга, творили поэт Мацуо Басё, драматург Тикамацу Мондзаэмон, живописец и мастер жанровой гравюры на дереве Хисикава Моронобу. К этому блистательному созвездию талантов принадлежал и Ихара Сайкаку.

⁶ Перевод А. А. Долина. / Осенние цикады. Из японской лирики позднего средневековья. М.: Главная редакция восточной литературы, 1981. С. 254.

⁷ Н. С. Николаева. Человек в японской жанровой живописи конца XVI – начала XVII в. // Человек и мир в японской культуре. М.: Изд-во «Наука», 1985. С. 97.

⁸ G. B. Sansom. The Western World and Japan. New York: Alfred A. Knopf, 1951. P. 189.

«Это по-голландски!»

Имя Сайкаку прославили его прозаические сочинения, между тем свой путь в литературе он начал как поэт.

Подобно многим выходцам из состоятельных купеческих семей, завершив курс начального образования в приходской школе, он пятнадцатилетним юношей стал обучаться поэзии, что для человека с литературными амбициями было равнозначно получению серьезного филологического образования.

В то время непревзойденным мастером и наставником молодых поэтов считался Мацунага Тэйтоку (1571–1653). Он и его последователи с благоговением относились к традициям старины и прививали своим ученикам навыки виртуозного владения техникой версификации.

Годы ученичества были для Сайкаку временем погружения в мир классической литературы и приобщения к тайнам мастерства, однако жестко регламентированный набор поэтических средств ограничивал возможности самовыражения, без которого не мыслил себе творчества молодой поэт.

В 60-е годы XVII века большую известность в поэтических кругах приобрела возглавляемая Нисиямой Соином (1605–1682) осакская школа «Данрин», приверженцы которой экспериментировали со стихом, вводили в поэзию новые темы и образы, подсказанные городской жизнью того времени. Они стремились вернуть вознесшемуся над повседневностью литературному слову его первоначальную простоту и конкретность. Их излюбленным стилем был пародийный гротеск, наибольшим же признанием у них пользовались произведения, как можно менее похожие на «классические» образцы.

В среде сторонников этой школы получили распространение так называемые «докугин хайкай» – «сольные» выступления поэтов, пришедшие на смену коллективному сочинению «стихотворений-цепочек» (рэнга), одному из видов традиционного поэтического творчества. «Докугин хайкай» давали возможность стихотворцам вырабатывать собственный стиль, приносить в поэзию индивидуальное авторское начало.

Эта атмосфера творческой свободы и несогласия с традицией не могла не импонировать Сайкаку, который с первых же самостоятельных шагов на поприще поэта отстаивал за собой право писать иначе, чем требовал шлифовавшийся веками поэтический канон. В предисловии к одному из ранних стихотворных сборников он писал:

«Некто спросил: «Почему вы предпочитаете поэзию, свободную от общепринятых правил?» Отвечаю: «Мир поэзии сделался мутным. Лишь я один прозрачен. Зачем же, хлебая этот мутный суп, вылизывать еще и осадок?» И далее: «От стихов, которые приходится то и дело слышать, уши покрываются плесенью, а язык зарастает мхом. Они никуда не годятся и напоминают ворчание немощных стариков».

Идеалом Сайкаку было творчество, «свободное от общепринятых правил». Созерцательности средневековой рэнга он противопоставил спонтанность внезапной остроты, традиционной поэтической лексике – стихию просторечия, закрепленным в каноне законам поэтической дикции – живую, часто насмешливую разговорную интонацию.

Новации Сайкаку в области стихотворного языка вызвали критику со стороны поэтов-традиционалистов, пренебрежительно именовавших его «голландцем». В те времена Голландия была единственной европейской страной, с которой торговала Япония, и поэтому воспринималась как символ всего чуждого, непривычного, экзотического, экстравагантного. «Даже малые дети в Нагасаки, – замечает в этой связи Дональд Кин, – кричали: “Это по-голландски!”»,

когда кто-нибудь из них нарушал правила игры»⁹. Называя поэзию Сайкаку «голландской», ревнители чистоты поэтического стиля выводили его творчество за пределы искусства. В мире традиционной поэзии он и впрямь казался чужестранцем.

Сайкаку поражал современников не только неожиданными стилистическими вывертами, но и невероятной скоростью, с какой ему удавалось сочинять (а точнее, «выпаливать») стихи во время своих «сольных» выступлений. В 1677 г. он установил своего рода рекорд, сложив в течение суток тысячу шестьсот строф подряд, – это означало, что на каждую строфу у него уходило в среднем чуть более минуты. В 1680 г., приняв вызов двух других поэтов, Сайкаку улучшил этот результат, доведя количество строф до четырех тысяч. А в 1684 г. на поэтическом турнире в осакском храме Сумиёси он сочинил за сутки... двадцать три тысячи стихотворных строф, повергая в растерянность писцов, не успевавших переносить его стихи на бумагу¹⁰.

Поэзия Сайкаку была искусством мгновенной импровизации, «способом наискорейшей записи мыслей»¹¹ и жизненных наблюдений. Его стихотворные цепи напоминают вереницу жанровых картинок-миниатюр, в которых преобладает не лирическое, а повествовательное начало. Вероятно, именно поэтому стихотворные экспромты Сайкаку при всей их живости и остроумии впоследствии были забыты. Зато из захлестывавших его поэзию «прозаизмов» со временем выросла великолепная проза, которой было суждено пережить и самого писателя, и его эпоху.

⁹ Д. Кин. Японцы открывают Европу. 1720–1830. М.: Изд-во «Наука», 1972. С. 22.

¹⁰ Подробнее о творчестве Сайкаку-поэта см.: Дональд Кин. Японская литература XVII – XIX столетий. М.: Изд-во «Наука», 1978. С. 32–33.

¹¹ Б. Л. Пастернак. Избранное. М.: Изд-во «Художественная литература», 1985. Т. 2. С. 307.

Рассказы об изменчивом мире

Произведения, созданные Сайкаку-прозаиком, вошли в историю японской литературы под названием «укиё-дзоси» – «рассказы об изменчивом мире». Этот термин, появившийся в самом начале XVIII века, не только закреплял за творчеством писателя принадлежность к новому художественному стилю эпохи, но и проводил разграничительную черту между ним и произведениями предшествующей литературы, которые именовались «кана-дзоси» («рассказы, написанные слоговой азбукой», т. е. по-японски – в отличие от сочинений на китайском языке – и рассчитанные на широкий круг читателей).

Проза кана-дзоси сохраняла прочную связь с традицией. Главенствующее положение в ней занимали жанры, унаследованные от средневековой литературы. Однако на протяжении XVII столетия они стали претерпевать некоторую деформацию. Так, в эпическом повествовании сквозь толщу традиционных художественных воззрений стали пробиваться ростки нового отношения к изображаемому. Внимание авторов привлекали уже не только ратные подвиги героев, но и «неофициальная» сторона их жизни.

Определенные сдвиги наметились и в поэтике двух других распространенных жанров – новеллы о чудесах и любовной повести. Создатели рассказов об удивительном все чаще обращались к обыденной, повседневной жизни города XVII века, причем их интерес к бытописанию порой даже превалировал над желанием увлечь читателя повествованием о чудесном происшествии как таковом. «Уточняющая» бытовая деталь прокладывала себе путь и в любовной повести, изобличая ее романтически приподнятый тон как некую условность, дань традиции.

Черты нового отношения к изображаемой действительности и литературному герою расшатывали канон средневековых жанров, но еще не вели к его коренному переосмыслению. То, что в прозе кана-дзоси ощущалось лишь как отклонение от идеально уравновешенной художественной системы, в творчестве Сайкаку приобрело характер нового художественного единства.

Открывая его книги, читатели «обнаруживали, что рассказы об их собственных проделках и причудах столь же занимательны, как любая из книг, завезенных из Китая или созданных у них на родине в давние времена. Лисы, принимающие обличье красавиц, суровые воины и сказочные принцессы все еще оставались в литературной моде, но теперь они казались *слишком* знакомыми, в отличие от таких персонажей *укиё*, как беспутный гуляка, изысканная куртизанка или своенравная купеческая жена»¹².

В 1682 году вышел в свет первый роман Сайкаку «Мужчина, несравненный в любовной страсти»¹³, ставший символом наступления новой эпохи в японской литературе. Символично уже само имя главного героя – Ёноскэ, которое в буквальном переводе означает «Человек нашего мира». Это имя подсказывало читателю, что перед ним человек иной судьбы, нежели знакомые герои средневековой прозы.

Содержание романа составляет история жизни главного героя с той поры, когда в нем впервые пробуждается любовная страсть, и до того момента, когда состарившийся и одряхлевший Ёноскэ отправляется в Нагасаки, снаряжает корабль под красноречивым названием «Сладострастие» и уплывает на легендарный остров Женщин, обительницы которого славятся неиссякаемым любовным пылом.

Неожиданный финал книги своей гротескной выразительностью разрушал стереотип традиционных любовных повестей и романов, главной целью которых было показать, как герой

¹² Hibbett. Op. cit. P. 35.

¹³ Русский перевод см.: Ихара Сайкаку. Любовные похождения одинокого мужчины. СПб.: Изд-во «Гиперион», 2021.

после грешной жизни приходит к осознанию суетности всего земного и обращает помыслы к спасению.

Сайкаку ставил перед собой иные задачи. Жизнь Ёноскэ протекает не в условно-исторических декорациях средневекового лирического романа, а на фоне точно воспроизведенных внешних примет современной автору Японии. Писатель перемещает своего героя из бытийного пространства в бытовое и приближает к читателю настолько, что становятся заметны забавные, несуразные черты его характера. Новизна романа Сайкаку состояла не только в его теме, но прежде всего в стремлении изобразить человека и мир не такими, «какими они должны быть», а такими, «каковы они есть».

«Мужчина, несравненный в любовной страсти» положил начало целой серии книг, повествующих о судьбах людей в «изменчивом мире» наслаждений. К этой серии принадлежат знаменитый цикл «Пять женщин, предавшихся любви», повесть «История любовных похождения одинокой женщины», сборник рассказов «Превратности любви» и многие другие произведения. Их персонажи – такие же неутомимые искатели любовных приключений, как Ёноскэ. Они ни во что не ставят законы официальной морали, предпочитая аскетическому пониманию долга и трезвому купеческому благоразумию удовольствия грешной любви.

«Что ни говорите, смешон тот, кто изображает, будто его с души воротит от дел любовных. С самой эры богов любовь есть высочайшее из доступных человеку наслаждений». («Пожилой кутила, сгоревший в огне любви»)

В этих словах Сайкаку заключена главная мысль его книг о любовной страсти. Внимание в них целиком сосредоточено на описании приключений – и злоключений – героев в мире чувственности, но само это описание настолько полнокровно и ярко, что бросает свет далеко окрест, позволяя автору заглянуть в тайны человеческого сердца и уловить определенные закономерности в хитросплетениях людских судеб.

В творчестве Сайкаку окружающая человека действительность обрела новые очертания и новые краски. Он изображал обыденную жизнь своего времени, отталкиваясь от традиций предшествующей литературы, но при этом больше доверяя своему зрению, нежели знаниям, почерпнутым из книг.

Он пытался запечатлеть жизнь во всем ее хаотичном разнообразии, не притязая на полноту обобщений и окончательность выводов.

Он смотрел на мир иначе, чем его предшественники, – пристально, с ошеломляющей подчас фамильярностью, – и поэтому ломал привычные законы перспективы. Мир Сайкаку лишен какой бы то ни было упорядоченности и определенности – в нем всё «на плаву», всё переменчиво, подвижно, неоднозначно. Неожиданные развязки его рассказов – не только эффектный литературный прием, но и свидетельство непредсказуемости человеческой жизни.

Сайкаку изображал современную ему действительность с дотошностью летописца и азартом первооткрывателя. Обычаи и нравы горожан, названия торговых улиц и кварталов любви, цены и находящиеся в обращении монеты, модные узоры и бытовая утварь – весь этот вне-литературный антураж эпохи становится в его книгах неотъемлемой частью художественной реальности, конкретным и узнаваемым фоном, на котором разворачивается действие его повестей и рассказов.

Виртуозный мастер сюжетного повествования, Сайкаку намеренно перебивал его пространными «зарисовками с натуры», стараясь впустить в свои рассказы «сырую» жизнь, как будто бы не имеющую никакого отношения к литературе.

То же можно сказать и о героях рассказов Сайкаку: они кажутся подсмотренными в самой жизни, но их характеры сгущены до такой степени гротескной выразительности, что оказываются ярче и живее, чем любая натура.

Скареды, корыстолюбцы, неудачники, беспечные гуляки, простаки, лжецы, хитроумные пройдохи – вот излюбленные персонажи Сайкаку, кочующие из одной его книги в другую.

Затесавшись в их толпу, нетрудно прослыть святым – для этого и нужно-то всего лишь не позариться на чужое («Торговец солью, прослывший святым»). В их мире даже богам приходится учиться житейской мудрости, чтобы не пропасть с голоду («Даже боги иногда ошибаются»).

Если у Сайкаку и встречаются идеальные герои, то, пожалуй, это лишь персонажи его «самурайских» сборников – наследники и хранители воинской славы минувших веков. Их жизнь подчинена требованиям самурайской чести, главные из которых – верность господину, готовность мстить за обиду, способность пожертвовать жизнью и личным счастьем ради долга.

Казалось бы, тема долга и самоотречения должна окрашивать рассказы о самураях в эпические тона, но этого не происходит. Мысль автора движется в другом направлении. «Душа у всех людей одинакова, – говорится в предисловии к «Повестям о самурайском долге». – Прицепит человек к поясу меч – он воин, наденет шапку-эбоси – синтоистский жрец, облачится в черную рясу – буддийский монах, возьмет в руки мотыгу – крестьянин, станет работать тесаком – ремесленник, а положит перед собою счеты – купец».

Над повествованием о печальных судьбах самураев витает вопрос: а стоят ли даже самые высокие идеалы тех жертв, которыми за них приходится платить? В рассказе «Родинка, воскресившая в памяти прошлое» герой берет в жены обезображенную оспой девушку, так как долг обязывает его сдержать обещание, данное родителям невесты задолго до свадьбы. Законы чести торжествуют. Однако автор заключает рассказ словами, в которых сквозит ирония: «Будь эта женщина красавицей, Дзюбэй, скорее всего, разнежился бы, поддавшись на ее чары, но, поскольку он женился на ней потому лишь, что так велел ему долг, все его помыслы устремились к совершенствованию в воинских искусствах... и имя его прославилось в нашем мире».

В книгах Сайкаку пафос и ирония не существуют по отдельности, а соседствуют друг с другом. Жизнь, всецело подчиненная сверхличным ценностям, кажется писателю придуманной, слишком уж идеальной. Его занимают не столько человеческие добродетели – о них и так было слишком хорошо известно из литературы прошлого, – сколько слабости, пороки и несовершенства, ведь именно в их зеркале отражается живая, всамделишная жизнь.

Если Сайкаку требуется нарисовать портрет красавицы, он чаще всего ограничивается беглым традиционным сравнением с «цветущей сакурой» или «стройным кленовым деревцем в осеннем багрянце». Другое дело, когда портретируемая «настолько дурна собою, что не отважится сесть возле зажженной свечи», – тут автор не жалеет красок, смакуя каждую подробность:

«Личико у ней хоть и скуластое, но приятной округлости. Лоб выпуклый, будто нарочно создан для покрывала кацуги. Ноздри, конечно, великоваты, зато дышит она легко и свободно. Волосы, нет спору, редкие, однако и это имеет свою выгоду: не так жарко летом. Талия, что и говорить, полноты изрядной, но ежели поверх платья надеть длинную парадную накидку свободного покроя, никто и не заметит. А то, что пальцы такие толстые да хваткие, даже хорошо – крепче будет держаться за шею повитухи, когда приспееет время рожать». («Разумные советы о том, как вести хозяйство с выгодой»)

Художественный мир Сайкаку живет по законам пародийного снижения. Это своего рода антимир, соприкасаясь с которым вся система принятых в обществе и освященных литературой нравственных правил неизбежно опрокидывается вверх дном, выворачивается наизнанку.

Сборник «Двадцать непочтительных детей страны нашей» служит пародийным отголоском китайской дидактической книги XIII века «Двадцать четыре примера сыновней почтительности». Притчи о благочестивых сыновьях, верных конфуцианскому долгу почитания родителей, были широко известны во времена Сайкаку не только в переводе, но и в многочисленных переложениях. Их отличие от оригинала состояло лишь в том, что действие переносилось в Японию, а герои наделялись японскими именами и «биографиями».

Совершенно иначе поступает в своей книге Сайкаку. «В наши дни молодые ростки бамбука ищут не под снегом, как Мэн Цзун, а в зеленой лавке; карпов, что плещутся в рыбном

садке, хватит любому Ван Сяну», – пишет автор в предисловии к сборнику, давая читателю понять, что истории о самоотверженности Мэн Цзуна, отправившегося зимой в лес искать съедобные побеги бамбука для матери, или Ван Сяна, который, чтобы накормить мачеху карпом, лег на лед, пытаясь растопить его теплом своего тела, – изрядно устарели.

Сайкаку не просто подправляет подлинник, но меняет в нем все знаки на противоположные: герой превращается в антигероя, добродетель – в порок, дидактика – в иронию, а пафос – в гротеск. Пародийное смещение акцентов напоминает клоунаду, игру, но за этой игрой стоит отнюдь не шуточное стремление осмыслить реальную, невыдуманную жизнь, которая слишком далека от совершенства, чтобы соответствовать каким-либо образцам или «примерам».

Реальностью для Сайкаку была не только находившаяся у него перед глазами действительность, но и весь мир известной ему литературы далекого и недавнего прошлого, в которой он черпал материал для художественного осмысления и переосмысления. Чужое слово подстегивало его творческую фантазию, побуждало откликаться на него.

У Сайкаку немало произведений, открыто ориентированных на тот или иной литературный прототип. К их числу, помимо «Двадцати непочтительных детей», принадлежит книга «Сопоставление дел под сенью сакуры в нашей стране», которая, как явствует из ее названия, представляет собой японскую версию «детективных» рассказов Гуй Ванжуна из сборника «Сопоставление дел под сенью дикой груши». К этому же кругу произведений относятся и «Новые записки о том, что смеха достойно», правда, за вычетом названия этот сборник имеет мало общего с сочинением Дзёрайси «Записки о том, что смеха достойно» (1642) и уж во всяком случае не повторяет его уныло-проповеднический тон.

Порой обращение писателя к существующему в традиции материалу не носит столь явного и демонстративного характера и проявляет себя в сюжетных переключках или общем замысле. Таков сборник «Рассказы из всех провинций», в котором звучит эхо книги XIII в. «Рассказы, собранные в Удзи». Оба произведения повествуют о чудесах, но для средневекового автора чудеса абсолютно реальны, Сайкаку же относится к ним скорее как к небывальщине, и сквозь фантастику его рассказов всегда проглядывают очертания реального и узнаваемого мира.

«Рис в тех краях, – сообщает автор о сказочном подводном царстве, – стоит куда дешевле, птицу и рыбу ловят прямо руками, и женщины гораздо доступнее!.. Ни холода, ни голода там не знают. А Новый год и праздник Бон отмечают точь-в-точь как здесь. С четырнадцатого дня шестого месяца зажигают праздничные фонари. Вся разница только в том, что никто не приходит взимать долги!»¹⁴

На сюжетном уровне сборник Сайкаку не обнаруживает заметных аналогий с «Рассказами из Удзи», зато в его орбиту попадают отдельные сюжеты из книги волшебного-фантастических новелл «Кукла-талисман» (1666), принадлежащей кисти популярного писателя Асаи Рёи¹⁵.

В рассказе «Дева в лиловом» Сайкаку повествует о роковой встрече обыкновенного человека с женщиной-тенью, любовь к которой едва не заканчивается для него гибелью. Сюжетная канва заимствована из новеллы Рёи «Пионовый фонарь», однако вышитый по этой канве узор, проецируясь на оригинал с его таинственной и жутковатой атмосферой, создает неожиданный стилистический эффект.

«Увидев деву, – читаем мы о герое, – позабыл он многолетние свои благие стремления... она же вытащила из рукава разукрашенную дощечку для игры в волан и, напевая, принялась подбрасывать мячик...

¹⁴ Перевод И. Л. Львовой. / Ихара Сайкаку. Избранное. М.: Изд-во «Художественная литература», 2002. С. 255.

¹⁵ В своей книге «Кукла-талисман» («Отоги боко») Асаи Рёи (1612–1691) пересказал на японский лад восемнадцать из двадцати двух новелл сборника китайского писателя XIV в. Цюй Ю «Новые рассказы у горящего светильника», в том числе и его «Записки о пионовом фонаре».

– Эта песенка-считалка, что вы поете, называется «Песенка молодухи»? – спросил он, и она отвечала:

– У меня нет еще мужа, как же вы зовете меня молодухой? Чего доброго, пойдет обо мне дурная слава! – И с этими словами... улеглась в самой небрежной позе, воскликнув: – Не троньте меня, а то буду щипаться!

Пояс ее, завязанный сзади, сам собой распустился, так что стало видно алое нижнее кимоно.

– Ах, мне нужно изголовье! – проговорила она с полузакрытыми глазами. – А ежели ничего у вас нет, так хоть на колени к человеку с чувствительным сердцем голову приклонить...»¹⁶

Чудеса у Сайкаку прежде всего забавны, и в этом – коренное отличие его произведения от предшествующих образцов этого жанра.

В той же стилистической манере, что и «Рассказы из всех провинций», написан сборник «Дорожная тушечница». Здесь писатель обращается к распространенному в японской средневековой прозе жанру путевого дневника. Повествования такого рода нередко облекались в форму рассказов монаха-отшельника о том, что он повидал, услышал или испытал в ходе своих странствий. Таково же и произведение Сайкаку – содержание его сборника составляют диковинные истории, якобы услышанные паломником Бандзаном. Повествовательная схема жанра точно воспроизводится в книге Сайкаку, но точность эта, конечно же, мистификаторская.

Отличен от своих литературных прототипов прежде всего сам рассказчик. Этот странноватый человек – не то монах, не то мирянин, – в котором невольно угадываются черты самого автора, ведет свободную жизнь, не скованную правилами и запретами. И в странствие он отправляется не затем, чтобы укрепить себя на стезе поисков истинного смысла бытия, а для того, чтобы увидеть мир и написать обо всем, что есть в нем «любопытного и забавного», – ведь «со временем из этих записей, как из семян, могут вырасти рассказы!»

Мир, каким его видит Бандзан и изображает Сайкаку, по существу, тот же самый, что и в «Рассказах из всех провинций», – он полон чудес и населен удивительными существами, пришедшими из фольклорных преданий или рожденных поэтической фантазией автора.

И все же чудеса в рассказах Сайкаку не совсем «настоящие». Да и как может быть иначе, если сплошь и рядом они либо находят себе вполне правдоподобное объяснение («О монахе, побывавшем в аду и в раю»), либо становятся всего лишь поводом для осмеяния простодушных глупцов («Чертова лапа, или Человек, наделавший много шума из ничего») и тщеславных плутов («Драконов огонь, что засиял во сне»)?

По мысли Сайкаку, «удивительное», «загадочное» следует искать не столько в сфере фантастики и волшебства, сколько в причудах человеческих судеб и характеров. В рассказе «Кому веселая свадьба, а кому – река слез» вообще нет ничего сверхъестественного, там все обыденно и реально, но именно эта обыденность и эта реальность заключают в себе для писателя больше таинственного и непостижимого, чем любое заведомо фантастическое происшествие.

Сайкаку писал свои книги для современников – деловитых и прагматичных горожан XVII века, считавших, что литература призвана не только развлекать, но и служить источником практических знаний о жизни.

Подобные взгляды коренились в устоях общества, к которому принадлежал писатель, и он вряд ли мог относиться к ним с трезвым безразличием. «Заветные мысли о том, как лучше прожить на свете», «Последний узор, сотканный Сайкаку» и другие произведения из цикла «книг о горожанах» задумывались автором как своеобразные учебники житейской мудрости, способные «долго служить на пользу тем, кто их прочтет». Дидактика – неотъемлемый компонент этих произведений: поучая, писатель выстраивает систему нравственных координат, вне

¹⁶ Ихара Сайкаку. Указ. соч. С. 253.

которой человек не может проложить себе путь в мире, где «только и света, что от денег». Автор учит читателей держаться сообразно своему положению, призывает их к рачительности, бережливости, показывает на конкретных примерах, к чему приводят нерадивость и мотовство.

Но чем серьезнее тон автора, тем труднее бывает принять его морализаторство за чистую монету. Проповедуя принципы самоограничения, он создает гротескные образы скупцов, обречая свои нравоучительные сентенции на забавную двусмысленность.

Сайкаку ощущает себя не столько проповедником, провидцем или судьей, сколько таким же обитателем «изменчивого мира», как и его персонажи. В сборнике «Ворох старых писем» автор вообще удаляется из повествования и предоставляет самим героям рассказывать то горестные, то смешные, то поучительные истории из своей жизни. Написанные от первого лица, эти эпистолярные монологи ставят героев лицом к лицу с читателем, давая ему возможность увидеть их не со стороны, а напрямую, как бы собственными глазами.

«Дар передразнивания»

Проза Сайкаку – весьма сложное и оригинальное явление художественного языка и стиля. Она написана великим мастером, «владеющим тайной сжатости и даром передразнивания всего любопытного и диковинного на свете»¹⁷.

В творчестве писателя сошлись два начала – книжная традиция и искусство устного сказа, получившее широкое распространение в городской среде и принадлежавшее миру неофициальной, народной культуры его времени. Взаимодействие этих двух начал и послужило основой того, что мы называем «языком Сайкаку».

Язык этот в высшей степени своеобразен, прихотлив и своей затейливостью напоминает узорчатую ткань – недаром Сайкаку уподоблял свое писательское ремесло искусству легендарной китайской мастерицы, в древние времена обучившей японцев ткачеству. В словесные узоры его книг вкраплены пословицы, поговорки, мудрые речения, обрывки модных песенок, цитаты из классиков, но не прямые, а словно взятые в «насмешливо-веселые кавычки» (М. М. Бахтин). Даже названия рассказов разворачиваются подчас в причудливый словесный орнамент или, наоборот, спрессовываются в сгустки поэтической речи.

В той же мере, в какой его поэзия устремлена к прозе, проза Сайкаку тяготеет к поэзии. Его рассказы изобилуют омофоническими каламбурами, аллюзиями, ассоциативными сопряжениями образов и другими тропами, заимствованными из поэтического арсенала.

Вводя в свой текст знакомый образ, Сайкаку нередко помещает его в неожиданное окружение, низводит «в самую гущу низменно-прозаической обыденности»¹⁸ и таким способом выстраивает новый смысловой ряд. «Приятно видеть у людей сливу и вишню, сосну и клен, – рассуждает автор, вторя Кэнко-хоси, создателю знаменитых “Записок от скуки”¹⁹, и затем продолжает: – Да еще лучше золото и серебро, рис и деньги. Чем горами в саду, приятней любоваться амбарами во дворе. Накопленное за все четыре времени года – вот райская утеха для глаз!»²⁰ Напряжение, возникающее между двумя планами высказывания, в конечном счете и создает его художественную ауру.

Творчество Сайкаку живет чувством сдвига, ощущением изменившейся реальности. Беспрепятственно примеривая образы «изменчивого мира» к существовавшим в традиции способам описания, сталкивая между собой смыслы, стили, интонации, оттеняя высокое литературное слово просторечием, он создавал прозу внутренне разноречивую, в которой ощущаются движение и диссонансы самой жизни.

Художественная манера Сайкаку замечательна своей неоднозначностью. На глазах у читателя постоянно происходят метаморфозы и чудеса: автор без устали меняет маски, превращаясь из моралиста и бытописателя в лукавого, неистощимого на выдумки и шутки рассказчика. Его суждения не претендуют на право считаться конечной истиной – напротив, они напоминают шкатулку с двойным дном, в которой спрятан некий дополнительный смысл, а чаще – язвительная насмешка или улыбка.

В прозе Сайкаку само слово становится объектом художественного изображения и любования. Автор сплошь и рядом наделяет своих персонажей «значащими» именами – в его произведениях фигурируют и «некий сорвиголова по прозвищу Каннай Вырви Корень», и горькие

¹⁷ Б. Л. Пастернак. Указ. соч. С. 307.

¹⁸ М. М. Бахтин. Слово в романе. // Вопросы литературы и эстетики». М.: Изд-во «Художественная литература», 1975. С. 197.

¹⁹ У Кэнко-хоси (фрагмент СХХХІХ) читаем: «Деревья, которые хочется иметь возле дома, – это сосна и вишня... Сливы хороши и белые и бледно-алые... Молодой клен прекрасен...» См.: Кэнко-хоси. Записки от скуки. М.: Изд-во «Наука», 1970. (Перевод В. Н. Горегляда.)

²⁰ Ихара Сайкаку. Указ. соч. С. 330 (Перевод Н. Г. Иваненко.)

пьяницы: Дзиндзабуро по кличке Змей, Моризэмон Беспробудный, Рокуносин Выдуй Мерку, Кюдзэмон Необузданный, – и лисы-оборотни: Врунискэ, Невидимскэ, Курворискэ, Поле-Разорискэ... В рассказе «Божественное прорицание зонтика»²¹ местом действия служит захолустное селение Анадзато – Дыра (название тем более уместное, что именно туда по воле ветра попадает зонтик, который впоследствии превращается в похотливое божество и требует, чтобы поселяне выбрали для него в качестве жрицы прекрасную юную деву).

Слово у Сайкаку «заряжено» изобразительностью. Не случайно в своих текстах он время от времени прибегает к нестандартному написанию иероглифов, превращая их из символов в «живые картинки». Так, иероглиф *подглядывать* (*нодзоку*) он образует из знаков «щель» и «глаз», *смеркаться* (*курэру*) – из знаков «солнце» и «заходить».

Портрет в его прозе – одновременно и способ описания внешности персонажа и пародия на традиционные принципы изображения. «Лицо круглое, нос приплюснутый, передних зубов не хватало, глаза косили, волосы курчавые, сам приземистый – никаких мужских достоинств за ним не числилось. Только духом был крепок, оттого и стоял во главе войска»²², – таким предстает в рассказе «Поединок в тучах» Ёсицунэ, знаменитый герой средневековых эпических сказаний и романов. Литературный мир Сайкаку – не что иное, как пародийное «зазеркалье», и, чтобы стать гражданами этого мира, героям высокого плана приходится перемещаться в сферу комедийного гротеска.

Остроумие – неотъемлемое свойство таланта писателя, его манера видеть и понимать жизнь и людей. Юмор у Сайкаку сродни творческому озарению, наитию, о котором другой выдающийся японский прозаик Рюноскэ Акутагава сказал: «Именно в такие мгновения взору писателя открывается жизнь, очищенная от всего наносного и сверкающая подобно только что добытому из земли кристаллу»²³.

Творческая судьба Сайкаку сложилась счастливо. В Японии конца XVII – первой половины XVIII в. не было прозаика, чья слава могла бы сравниться с его славой. Его сочинения неоднократно переиздавались, вызвали множество подражаний. А в 1701 году был опубликован роман ныне уже забытого писателя Мияко-но Нисики, в котором в качестве одного из персонажей выведен Сайкаку. Примечателен эпизод, повествующий о муках Сайкаку в аду, куда он якобы попал за тот великий грех, что «писал чудовищные небылицы про людей, с коими не был знаком, так, будто это сущая правда».

Эти слова знаменательны: сквозь пафос осуждения и неприятия в них отчетливо проступает ощущение ошеломляющей новизны и правды, которое испытывали современники Сайкаку, читая его «рассказы об изменчивом мире». И совсем не случайно, что на исходе XIX века, когда в Японии рождалась новая литература, многие ведущие писатели той поры заново открывали для себя произведения Сайкаку, видя в нем своего предтечу и учителя.

Т. Редько-Добровольская

²¹ См.: Ихара Сайкаку. Указ. соч. С. 221–223.

²² Там же. С. 226.

²³ Акутагава Рюноскэ. Собрание сочинений. СПб.: Изд-во «Азбука», 2001. Т. 1. С. 222.

Из сборника «Двадцать непочтительных детей страны нашей»

Добро и зло в одной упряжке недолго ходят

Хороших друзей встретишь нечасто, дурных же – сколько угодно. Жили в Хиросиме два приятеля. Не зная удержу в погоне за развлечениями, они, что ни вечер, садились в лодку и гребли в направлении известного своими веселыми кварталами городка Миядзима в провинции Аки, покрывая расстояние в пять ри скорее, чем сгорит фитиль длиной в один сун.²⁴ Настолько были они схожи меж собой и нравом, и обликом, что других таких не только в Хиросиме, но и во всем широком свете не сыщешь. Одного из них звали Биттюя Дзинсити, другого – Канатая Гэнсити. Трудиться они не желали, сидели на шее у родителей и только и знали, что пускать по ветру денежки, накопленные отцами за долгие годы. Немудрено, что дома Биттюя и Канатая, некогда слывшие едва ли не самыми богатыми в тех краях, со временем пришли в упадок, а по прошествии десяти лет и вовсе обнищали.

Незавидная участь выпала отцам этих повес: всю молодость они трудились в поте лица, а на старости лет некому было о них позаботиться. Просыпались они с пустым желудком и спать ложились с пустым желудком. Была у одного из дружков сестра на выданье. Как полагается, мать заблаговременно начала готовить для нее приданое – одежду и всякую домашнюю утварь, только непутевый братец и это прибрал к рукам, продал, а вырученные деньги прокутил. Пришлось отправить ее в чужой дом в услужение – нынче не сыщешь чудака, который взял бы в жены девушку без приданого. Глядя, как печется о своей сестре хозяйский сын, бедняжка еще больше обижалась на брата.

Перед новогодним праздником последние остатки бывшего благополучия истаяли, точно лед на солнце, и молодые кутилы остались без гроша, даже огонь в очаге им теперь нечем было развести. Чтобы как-то поправить положение, в ночь Сэцубун²⁵ Дзинсити и Гэнсити надвинули на глаза бумажные капюшоны, хотя в темноте их и так никто не узнал бы, и вышли на улицу просить подавание. Правду говорят: чтобы быть попрошайкой, особой выучки не требуется, но стыда не смыть до самой смерти. Так они ходили от дома к дому и, не щадя горла, всю ночь истошно голосили:

– Счастья вам, хозяйева, и долголетия! Прожить вам не меньше девяти тысяч лет, подобно Дунфану Шо!²⁶ – однако с подаваниями им не везло: к утру у них оказалось на двоих всего восемнадцать медяков да двести зерен вареной фасоли.

Решив, что этак долго не протянешь, они бросили родителей на произвол судьбы, а сами в поисках удачи подались на восток.

В городке Окаяма провинции Бидзэн у них кончились припасенные на дорогу деньги. Там они и застряли и снова принялись побираться. Однако с виду они мало походили на нищих

²⁴ Ри – мера длины, равная 3,927 км. Сун – мера длины, чуть больше 3 см. – *Здесь и далее примеч. пер.*

²⁵ Сэцубун – праздник начала весны, отмечающийся четвертого числа второго месяца по лунному календарю. В ночь на Сэцубун совершался обряд изгнания нечистой силы – люди разбрасывали бобы с криками: «Счастье в дом, черти – вон!» Во время этого праздника нищие ходили по домам и произносили молитвы и заклинания против несчастий, получая за это подавания в виде риса или нескольких мелких монет.

²⁶ Дунфан Шо – сановник китайского императора Уди, живший во II–I вв. до н. э. Одна из многочисленных легенд, связанных с его именем, повествует о том, как он похитил из волшебного сада Владычицы Запада Сиванму персик (в китайской мифологии – плод бессмертия), даровавший ему долголетие. В Японии Дунфан Шо был известен не столько как реальное историческое лицо, сколько в ипостаси сказочного долгожителя, мага и чародея.

– белизна их лиц и щеголевато зачесанные волосы внушали людям подозрение. И вместо подаваний на попрошаек сыпались грубые окрики:

– Проваливайте отселе, прочь с дороги!

Теперь, когда кутилы оказались без крова, так горько им было вспоминать безвозвратно ушедшие счастливые дни, так стыдно было своих нищенских отрепьев, что они не успевали утирать непрошенные слезы.

Надобно заметить, что в то самое время в провинции Бидзэн в большом почете было Учение сердца²⁷, и людские сердца устремились к добродетели. Поскольку сам князь оказывал милости тем, кто проявлял верность господину и почтение к родителям, все становились на стезю благочестия, и в стране той царили мир и спокойствие.

Потерпев неудачу на поприще нищих, Дзинсити и Гэнсити смекнули, что скорее добьются удачи, ежели станут следовать законам этой страны, и, подговорив двух немощных стариков, пустились на новую уловку. Дзинсити смастерил тележку, в каких возят калек, усадил в нее семидесятилетнего старика и, возя тележку по городу, со слезами в голосе причитал:

– Помогите, люди добрые, сжальтесь над несчастными горемыками! От роду мне двадцать три года, сам я из земли Аки. Уж и не знаю, за какие прегрешения выпала мне такая тяжкая доля, что я не могу прокормить своего батюшку и вынужден покрывать себя позором, прося милостыню...

Все сочувствовали его горю и не скупилась на подаяния. Вскоре риса и медных монет набралось столько, что они уже не умещались в тележке.

Не отставал от своего приятеля и Гэнсити. Посадив на спину другого старика, он тоже ходил по городу, причитая и прося подаяния. Видя, сколь велико его сыновнее благочестие, люди не оставались безучастными и к его беде.

Через некоторое время Дзинсити и Гэнсити поставили на пустоши бамбуковую ограду и, собрав сухие ветки, построили себе хижины, в которых можно было укрыться от дождя и росы. После ночей, проведенных под открытым небом, житье в этих убогих лачугах казалось им невиданным счастьем. Зачерпнув в глиняный котелок водицы из болота, они ссыпали в него без разбора все подаяния, собранные за день: и нешелушенный рис, и рис нового урожая, и красный рис, и красную фасоль. Получалось месиво, но они и тому были рады. Была бы, как говорится, плошка да крыша над головой, было бы чем набить живот, – о большем они и не мечтали.

Вернувшись домой, Дзинсити заставлял старика растирать ему спину, а по ночам велел отгонять комаров. Когда же притомившийся за день старик ненароком задремывал, тот, не считаясь с его годами, нещадно пинал его в бок и орал:

– Ух, старый болван, ничего толком сделать не можешь!

– Негоже так обижать старика, – не раз говорил приятелю Гэнсити. – Ведь он тебе названный отец. Лишь благодаря ему ты не умер с голоду. Нельзя забывать добро!

Однако от этих слов Дзинсити приходил в еще большую ярость. Кончилось тем, что он насмерть разругался с приятелем. Стоило Гэнсити попросить у него взаймы лучину или еще какую-нибудь мелочь, он неизменно отвечал отказом.

Но Небо, как известно, судит по справедливости и каждому воздаст за добрые и злые дела. Не прошло много времени, как люди отвернулись от Дзинсити, перестали подавать ему милостыню, и стал он бедовать пуще прежнего. Что же до Гэнсити, то ему, напротив, с каждым днем подавали все больше. Теперь в непогожие дни он мог оставаться дома и заботился о своем старике так, словно тот был ему родным отцом.

²⁷ *Учение сердца* (сингаку) – этическое учение, сформировавшееся во второй половине XVII в. в среде горожан. Сторонники этого учения проповедовали принципы «должного» поведения горожанина, среди которых значительное место занимали конфуцианские добродетели: верность высшему, сыновняя почтительность и т. д.

Глядя на него, старик из соседней лачуги еще пуще горевал о своей несчастливой доле, еще больше досадовал на Дзинсити. В конце концов он решил откусить себе язык и свести счеты с жизнью.

А старик этот, да будет вам известно, был вовсе не подлого звания, а вел свой род от самураев, знаменитых в провинции Этиго.

– Так уж случилось, что, став ронином²⁸, я был вынужден скрываться от людей, и вот теперь, на старости лет, мне приходится влачить жалкое существование, – сказал он однажды Гэнсити, когда Дзинсити не было рядом. Не сдерживая слез, он продолжал: – С жизнью мне расставаться не жаль, одно лишь меня заботит – не хочу после смерти стать добычей собак и волков. Не могли бы вы предать прах мой земле?

Гэнсити проникся еще большим состраданием к несчастному старику и молвил в ответ:

– Коли суждено вам умереть, я исполню вашу просьбу. Но пока я здесь, вам не о чем тревожиться. Никто больше не посмеет дурно обращаться с вами.

Старик склонил голову и, отирая рукавом слезы, с благодарностью произнес:

– Радостно мне слышать эти слова.

В этот миг перед хижинкой появился какой-то путник. Слуги вели под уздцы его коня и несли паланкин. Он торопился, должно быть, по какому-то важному делу. Остановившись, человек этот оглядел старика пристальным взглядом, затем спросил:

– Скажите, почтенный, ваше имя не Хасимото Такуми?

– Неужели это ты, Кинья? – всплеснул руками старик. Видно, крепки были узы, связывавшие отца с сыном.

– Какое счастье, что я вас отыскал! – воскликнул путник. – Когда мы расстались, я отправился в провинцию Мусаси и после долгих мытарств наконец поступил на службу к тамошнему князю. Мне положили жалованье, как и прежде, – пятьсот коку риса.²⁹ Испросив отпуск в пятьдесят дней, я отправился разыскивать вас, отец. Этот срок подходит к концу, и я уже совсем было отчаялся вас найти. И вот мы всё же встретились. Выходит, не отвернулось еще от меня самурайское счастье.

Старик, в свою очередь, поведал сыну о тяготах, выпавших на его долю за время разлуки. Слушая отца, Кинья не успевал осушать слезы.

Тем временем воротился Дзинсити. Увидев незнакомца, он остолбенел от страха. Кинья схватил его и гневным голосом произнес:

– Такого мерзавца, как ты, не следовало бы оставлять в живых, но я не стану тебя убивать. Судьба сама покарает тебя за твои злодеяния!

С этими словами Кинья разнес в щепы хижину Дзинсити. И снова на том месте стало пустое поле.

– А вас, – сказал он Гэнсити, – я принимаю к себе на службу.

Затем Кинья посадил отца и второго старика в паланкин и вместе с ними отправился на восток.

Так и остался Дзинсити ни с чем, если не считать разбитой посуды, черпачка из раковины да старой циновки, которая не уберегала от утренней росы и вечернего ветра. Вот какая беда постигла Дзинсити! Вскоре пошла о нем дурная молва, и люди изгнали его из тех мест. Теперь ему даже голову приклонить было негде.

Первый снег застал его у храма Сёсядэра в провинции Харима. Там он и нашел свою погибель – заоченел и умер.

²⁸ *Ронин* – самурай, по какой-либо причине оставивший службу у своего господина.

²⁹ *Мне положили жалованье, как и прежде, – пятьсот коку риса.* – Дружинники-самураи получали довольствие от своих сюзеренов в виде рисового пайка. Один коку риса весил около 150 кг.

Приписка, оставленная на изголовье

В последнее время у столичных жителей вошло в обычай, чуть перевалит им за сорок, обривать голову и удаляться на блаженный покой. Впрочем, если есть деньги, бритая голова не помеха в развлечениях – даже таю³⁰ в веселых кварталах охотно выходят к таким гостям. А мальчишки-лицедеи и подавно не гнушаются водить с ними дружбу. Передав сыну хозяйство, можно жить в свое удовольствие, без хлопот и волнений; подобное благо ни на что не променяешь. А вот женщины по большей части неразумны и до самой смерти не желают уступать невестке бразды правления в доме. Как поглядишь да послушаешь, таковы нравы не только в столице, но и в провинции.

Жил в уезде Хата провинции Тоса человек по имени Кацуоя Скэхати, судовщик, отдававший внаем рыбацкие лодки. Дело свое Скэхати вел с умом, так что не только лодки его выдерживали натиск морских волн, но и сам он мог устоять перед любой житейской бурей и постепенно разбогател. Был у него сын по прозванию Скэтаро. Смышленный от рождения, он во всем старался помочь отцу, и тот радовался, видя, как все вокруг его нахваляют.

Когда Скэтаро исполнилось девятнадцать, он приглядел себе девушку из той же деревни, пригожую и славную, и вскоре взял ту девушку в жены. Теперь родителям Скэтаро ничто не мешало уйти на покой. Они построили для себя отдельный флигель позади дома, все ключи от хозяйства передали Скэтаро, а вдобавок приставили к нему в помощники двоих приказчиков, добросовестных и ухватистых. С тех пор дела семьи еще шибче пошли в гору, – как говорится, по заслугам и честь.

Глядя на то, как ладно живут Скэтаро с молодой женой, родители радовались и с нетерпением ждали появления внуков. А поскольку невестка еще не вышла из возраста, когда женщине пристало расхаживать в фурисодэ³¹, свекровь беспокоилась, как бы слуги при ней не начали лениться да своевольничать, и по многу раз на день навещалась в дом, где жили молодые, с дотошностью вникая во все хозяйственные дела. Зная, сколь требовательна старая госпожа, слуги трудились ревностно, да еще приговаривали:

– В этом доме и дела идут полным ходом, потому что у штурвала стоит умелый хозяин, и на кухне царит порядок, потому что всем заправляет старая госпожа.

Несмотря на свои преклонные годы, свекровь была бодра и приветлива, всякий раз, приходя на кухню, рассказывала слугам что-нибудь потешное, поэтому все они из кожи вон лезли, стараясь ей угодить.

Казалось бы, лучшей свекрови и желать нельзя, но жена Скэтаро невзлюбила старую женщину, завидуя тому, с каким почтением к ней относятся в доме. И вот однажды на рассвете, в ту грустную пору по весне, когда не переставая льют дожди, она сделала на своем конце изголовья такую надпись: *«Я не могу более оставаться в этом доме, терпя над собою опеку Вашей матушки. Хотя моя любовь к Вам безмерна и я знаю, что любима Вами, нам лучше расстаться. Такая уж, видно, выпала нам судьба в брennom мире»*, – и, пока муж не проснулся, поднялась с постели и, как была, в смятом спальном одеянии выбежала из дома.

Пробудившись ото сна, Скэтаро прочел обращенное к нему послание и залился горячими слезами. Все в доме всполошились и сразу же отрядили людей на поиски беглянки.

Как выяснилось, жена Скэтаро нашла себе прибежище в женском монастыре у подножья горы.

– Я пришла сюда не для того, чтобы принять постриг, – сообщила она монахиням. – Просто хочу пожить вдали от мира.

³⁰ Таю – гетера высшего ранга.

³¹ Фурисодэ (букв.: «развешивающиеся рукава») – праздничная одежда молодой незамужней женщины.

Монахини решили, что на то у женщины должны быть причины, и принялись выпытывать у нее, что да как. Тем временем в монастырь явились люди, отправленные на ее поиски, и попросили настоятельницу взять беглянку под свое покровительство. Воротившись домой, они рассказали обо всем хозяевам, и у родителей Скэтаро отлегло от сердца, – ведь, к счастью, невестка нашлась.

На следующий же день они послали за ней слуг, но женщина и не подумала возвращаться.

Истосковавшись по любимой жене, Скэтаро бросил родителей на произвол судьбы и отправился в тот монастырь, желая быть с нею рядом не только в этой, но и в будущей жизни³².

Шло время, и не было дня, чтобы Скэтаро не проклинал ни в чем не повинную мать и не порочил ее доброго имени. Мать же на него не обижалась, а только жалела его, ведь был он ее единственным сыном. И вот однажды, проведя в горестных думках бессонную ночь, старая женщина решила лишиться себя жизни, пожертвовать собой ради его счастья. Приняв такое решение, она сказала больно́й, перестала пить и есть и на девятнадцатый день скончалась прежде отведенного ей срока, исчезла, словно видение бренного мира.

Скэтаро кончина матери нисколько не опечалила, ведь он давно уже ворчал: зажи́лась, мол, старуха на свете, – невестка же и подавно обрадовалась, тотчас вернулась домой и принялась хозяйничать. Что же до старика отца, то, к счастью для супругов, он был туг на ухо, поэтому они заперли его в дальней комнате, как ненужный хлам, и месяцами не видели.

И вот, когда со смерти матери прошло уже больше года, Скэтаро за какой-то надобностью вытащил то самое изголовье и увидел на нем сделанную рукою матери приписку: *«Так уж устроена жизнь, что невестки, состарившись, превращаются в свекровей. Сколь жестоки бывают порою людские сердца! Как горько сознавать, что моя невестка оказалась волком в овечьей шкуре! Любя сына, я без сожаления расстаюсь с жизнью, чтобы не мешать его супружескому счастью»*.

Вскоре о том стало известно повсюду, и все отвернулись от Скэтаро и его жены. Не смея показаться людям на глаза, они перестали выходить из дома и в конце концов совершили двойное самоубийство, заколов друг друга мечом.

³² Известная старинная поговорка гласит: «Узы между родителями и детьми не прерываются на протяжении одной жизни; супружеские узы – на протяжении двух жизней; узы между господином и подданным – на протяжении трех жизней».

Горе, вылетевшее из рукава

Воистину, горько, когда подозрение падает на человека, чья душа ясна, как безоблачный день. Небо, разумеется, судит по справедливости, и в конце концов правда торжествует. Но – увы! – не каждому удается дожить до этого счастливого часа. Многие вынуждены страдать понапрасну, став жертвой оговора или злого навета.

Жил в портовом городе Цуруга провинции Этидзэн некто по имени Эномото Мандзаэмон. Большую часть года он крестьянствовал, а в свободное от полевых работ время еще и приторговывал. В торговле Мандзаэмон знал толк и каждый год выставлял на осенней ярмарке в Цуруге лотки со всевозможными диковинами, закупленными в Киото. Немало погонщиков и крестьян собиралось поглазеть на них, словно это были цветы столичных вишен, распустившиеся здесь посреди осени. Был он человеком оборотливым, из тех, кто своего не упустит, подсчитывал все в уме, не сорил понапрасну деньгами, покупателя, хоть какого, умел обвести вокруг пальца. И все же удача обходила его стороной, деньги таяли быстро, и вскоре он остался ни с чем. Как известно, беда не ходит одна: ни с того ни с сего земля его перестала родить и за четыре-пять лет превратилась в пустошь. Даже подати платить ему было нечем, так что пришлось распродать все имущество. Но и в этом жалком положении он продолжал строить из себя умника и совал нос в чужие дела, поэтому все кому не лень впутывали его в свои тяжбы. Дело дошло до того, что родственники, опасаясь неприятностей, совсем перестали с ним знаться. А сколько горя жена с ним хлебнула! Жизнь ее превратилась в сухую муку. Частые огорчения подточили здоровье, и двадцати шести лет от роду она покинула сей бренный мир. Случилось это в конце пятого месяца. Но хуже всего было то, что на руках у Мандзаэмона остался грудной младенец, сынишка по прозванию Манноскэ. Все сорок девять дней, пока перед табличкой с именем покойницы стояли цветы и курились благовония, отец просидел не смыкая глаз возле колыбельки с москитной сеткой на изголовье. Особенно тяжело ему приходилось, когда малыш начинал плакать. Чего только ни делал несчастный отец, чтобы его успокоить: кормил рисовой кашей со сладкими тянучками, укачивал, положив к себе на колени, – но ребенок не унимался, и казалось, ночи не будет конца. В такие мгновения Мандзаэмон думал, что этому ребенку лучше было совсем не родиться на свет, и с тоской вспоминал жену, сетуя на горькую участь вдовца.

Однажды ночью, вне себя от отчаяния, он схватил ребенка и побежал к храму, который стоял на краю поля в половине ри от его дома.

Положив Манноскэ в часовенку у дороги, он собрался было в обратный путь, но в это время младенец расплакался, – видно, озяб на холодном полу. У отца едва сердце не разорвалось от жалости, и он снова взял сына на руки, приговаривая: «Плачь, не плачь, все равно придется мне тебя бросить».

Начало светать. Зачирикали воробьи на крыше и принялись кормить своих птенцов. Глядя на них, Мандзаэмон подумал, что, раз даже птицы так заботятся о своих чадах, ему, рожденному на свет человеком, тем более не пристало отказываться от родного дитяти, – и вместе с Манноскэ воротился домой.

Отметив постом пятидесятый день кончины жены, Мандзаэмон решил обойти близлежащие деревни, чтобы купить рисовых жмыхов и начать торговлю. Он повесил через плечо две корзины, в одну посадил Манноскэ, другая же и без того была тяжела, как будто Мандзаэмон излил в нее все свои слезы. Так он вошел в соседнюю деревню. Поселяне приветили Мандзаэмона, обласкали младенца.

Как раз в это время в просторном саду возле дома старосты чаевничали женщины той деревни. Была среди них вдова, которая вполне годилась в жены Мандзаэмону. Недолго думая, ее просватали за него, а вскоре и свадьба сладилась.

Женщина эта и собой была не хуже других, и сердце имела доброе. А замуж поспешила не потому, что наскучилась одиночеством, – просто пожалела бедного малютку. Незадолго до этого у нее умер ребенок, в груди оставалось молоко, и она вскормила Манноскэ, заботясь о нем, как родная мать. К тому же и хозяйкой она оказалась отменной, – бывало, вечером наткет полотна, а утром уже спешит его продавать. С ней Мандзаэмон забыл про голод и холод, а со временем они настолько разбогатели, что смогли держать во множестве слуг и работников.

К тому времени Манноскэ уже исполнилось шестнадцать лет, и он стал носить взрослую прическу, выбривая волосы углом на висках.³³ Вырос парень на славу, и многие завидовали взрачности его лица. Только нрава он был прескверного, всем нечестивцам нечестивец. Дня не проходило, чтобы он не нагрубил отцу, но мачеха неизменно вступалась за него и всякий раз старалась умиловить мужа. Мандзаэмон же любил жену и ни в чем ей не перечил. Это приводило Манноскэ в бешенство, и неблагодарный пасынок задумал выгнать мачеху из дома.

Однажды он сказал отцу:

– Больно говорить вам об этом, но дольше молчать я не могу, это значило бы пойти против совести. Матушка то и дело заигрывает со мной – срам, да и только! До сих пор я терпел и скрывал от вас ее непотребство, но ведь кто-то может ненароком это увидеть и ославить меня, невинного, ни за что, ни про что. – Городя весь этот вздор, паршивец заливался слезами.

Потрясенный отец воскликнул:

– Быть того не может!

– Понимаю, в это трудно поверить, – ответил сын, – но вы можете убедиться сами. Сделайте вид, будто вам надо отлучиться из дома, а сами спрячьтесь в укромном местечке и наблюдайте за нами.

Выпроводив отца, Манноскэ обратился к мачехе:

– В саду уже созревает хурма. Давайте сорвем спелые плоды с верхних веток.

Мачеха согласилась, и они вместе вышли в сад. Тут Манноскэ, улучив удобный момент, зашел в тень дерева и стал дергаться и извиваться, как будто его ужалила пчела.

– Поймайте, поймайте же скорее! – крикнул он мачехе.

Та, не чуя подвоха, просунула руку в его левый рукав и принялась искать пчелу.

– Кажется, ничего нет, – молвила женщина, – но боюсь, как бы пчела снова тебя не ужалила. Сними-ка одежду, я как следует погляжу.

Все это видел отец, затаившийся у живой изгороди.

«И впрямь не лжет мальчишка», – подумал он, и в тот же миг всю его любовь словно ветром сдуло. Ничего не объясняя, он заявил жене, что дает ей развод.

– Не пойму, отчего вы вдруг так ко мне переменились, – вздыхала несчастная. – Коли я в чем-то провинилась перед вами – скажите, ведь мы не чужие. Горько терпеть от вас такую обиду.

Но Мандзаэмон не желал ее слушать, и бедной женщине ничего не оставалось, как остричь волосы и искать утешения в монастыре.

Правду говорят, что худая слава разлетается быстро. Как это произошло – неизвестно, только вскоре слухи о злокозненном поступке Манноскэ облетели всю округу, и не было в тех местах человека, который не возненавидел бы негодея. Пришлось ему покинуть родные края и податься в Камигату³⁴. Однако не успел он отъехать на семь с половиной ри, как неожиданно грянул гром небывалой силы. Возница же как ни в чем не бывало продолжал вести под уздцы его коня и лишь потом, оглянувшись, увидел, что всадника на нем нет. От этого самого возницы и стало известно о загадочном исчезновении нечестивца Манноскэ.

³³ ...он стал носить взрослую прическу, выбривая волосы углом на висках. – По достижении четырнадцати-пятнадцати лет юноши начинали делать взрослую прическу, подбривая волосы на висках.

³⁴ Камигата – город Киото с его окрестностями и близлежащими провинциями.

Общество восьмерых пьяниц

В портовом городе Нагасаки, где шум волн напоминает веселое постукивание барабачиков, восемь знаменитых пропойц заключили между собой союз. Выбрав место для своих сборищ в зарослях криптомерий, – ведь ветки этого дерева служат знаком любого питейного заведения, – они прикатили туда две бочки сакэ – сладкого и терпкого – и, поклоняясь боже-ству виноделов Мацуноо-даймёдзин, проводили время в безудержном пьянстве. Вот кто входил в этот союз: Дзиндзабуро по кличке «Змей», Каннай по прозвищу «Сютэндодзи»³⁵, Тоскэ – он же «Дунпо из Ямато»³⁶, Мориемон «Беспробудный», Сихэй «Веселья на троих хватит», Рокуносин «Выдуй мерку», Кюдзаэмон «Необузданный» и Кикубэй «Хризантемовая водка»³⁷. С первого и до последнего дня года никто не видел их трезвыми.

Всякий раз, приступая к попойке, они напевали мелодию «Тысячекратная осень»³⁸, которой полагается завершать пир, – даже в те редкие мгновения, когда к ним возвращалась способность хоть что-то соображать, мысли их тонули на дне сосудов с вином. Пьянство было для них самым большим удовольствием на свете. Глядя на них, многие из тех, кто не прочь повеселиться да пропустить чарку-другую, примыкали к сей беспутной братии и расстраивали свое здоровье, пропивали, как говорится, собственную жизнь.

Жил, например, в Нагасаки некто Дамбэй по прозвищу «Рисовальщик», мастер картин «сима-э»³⁹. Совсем недавно перебрался он в эти края из Окуры, что в провинции Бидзэн. Родившись в семье, где исстари много пили, он и сам сделался заправским пьяницей, во всяком случае, равных себе он пока еще не встречал. Однажды, когда Дамбэю исполнилось девятнадцать лет, он побывал в столице. Наглядевшись там на состязания лучников у храма Сандзюсангэндо⁴⁰, он решил устроить такое же состязание по выпивке сакэ, и, надо сказать, проявил себя не хуже, чем Хосино Кандзаэмон и Васа Дайхати⁴¹ в искусстве стрельбы из лука. Вскоре о нем заговорили как о первейшем пьянице во всей Поднебесной, и владелец знаменитой винной лавки «Мандариновый цвет» пожаловал ему подарок – вяленых моллюсков в золотой обертке. Тут Дамбэй совсем возгордился, точно лучник, которому вручили золотой жезл⁴², и, решив, что теперь ему пристало жить только в Нагасаки, где, как известно, любителей сакэ больше, чем где бы то ни было еще, в скором времени туда перебрался и завел торговлю винными чарками.

Однако же, на его беду, оказалось, что в тех краях даже самый рядовой выпивоха, почитай что трезвенник, способен обскакать на пиру любого, кто в иных провинциях слывет воеводой. Затесавшись в общество восьмерых пьяниц, Дамбэй пил с ними на протяжении тринадцати

³⁵ *Сютэндодзи* – имя грозного демона, персонажа японских легенд. Первый компонент этого имени, «Сютэн», в буквальном переводе означает «Пьяница», отсюда его использование в шуточном прозвище одного из восьми пьяниц.

³⁶ «...*Дунпо из Ямато...*» – Дунпо – знаменитый китайский поэт Су Дунпо (1036–1101). Его стихотворения о вине были широко известны в Японии. Ямато – старинное название Японии.

³⁷ «...*Кикубэй – Хризантемовая водка*» – Хризантемовая водка – сакэ с плавающими в нем лепестками хризантемы. Его пили в Праздник хризантем, который отмечался девятого числа девятого месяца по лунному календарю.

³⁸ *Мелодия «Тысячекратная осень»* – старинный напев, сулящий счастье и долголетие. Первоначально исполнялся в завершение придворных торжеств.

³⁹ «*Сима-э*» – вид гравюры на дереве с применением штриховки для передачи светотени. Возник под влиянием европейской живописи.

⁴⁰ «...*состязания лучников у храма Сандзюсангэндо...*» – Сандзюсангэндо – храм буддийской школы Тэндай (Опора небес) в Киото. В старину на галерее этого храма проводились ежегодные состязания лучников.

⁴¹ *Хосино Кандзаэмон, Васа Дайхати* – имена самураев, удостоившихся титула «лучший лучник во всей Поднебесной». В 1669 г. на состязании у храма Сандзюсангэндо Хосино Кандзаэмон установил рекорд, поразив цель восемью тысячами стрел. Этот результат превзошел Васа Дайхати в 1686 г.

⁴² «...*точно лучник, которому вручили золотой жезл...*» – На состязаниях лучнику, сумевшему поразить цель пятьюстами стрелами, вручался золотой жезл.

дней и тринадцати ночей, но поскольку те были против него настоящими богатырями, он в конце концов изрядно умаялся, хотя храбрился изо всех сил и сдаваться не хотел.

Тут как раз явилась матушка Дамбэя и принялась его увещевать:

– Прошу тебя, перестань этак напиваться. Отец твой, Данъэмон, тоже не знал удержу в таких делах и однажды за пирушкой во время игры в го⁴³, длившейся всю ночь, повздорил с лекарем-иглоукалывателем Утидзимой Кюбоку. Хотя спор между ними разгорелся из-за сущей безделицы, спьяну они наговорили друг другу столько обидного, что в итоге схватились за мечи да и закололи друг друга насмерть. В глазах людей они выглядели посмешищем и, сойдя в могилу, покрыли себя позором. Даже мне, женщине, горько об этом вспоминать. Я надеялась, что, зная о бесславном конце Данъэмона, никто из его потомков не возьмет в рот ни капли сакэ, но куда там! Ты пропускаешь мои слова мимо ушей и заделался отчаянным пропойцей. Пойми, пьянство до добра не доводит. Прошу тебя, остановись, утешь мать на старости лет. Конечно, одним махом с этой привычкой не разделаться. Так и быть, до исхода лета я разрешаю тебе пить понемногу – три раза днем и три ночью, но за один раз выпивай, уж, пожалуйста, не больше пяти мерок⁴⁴.

Дамбэй бросил на мать злобный взгляд и отвечал ей так:

– Вам-то, мамаша, никто не запрещает пить чай. Пора бы уразуметь, что сакэ для меня – единственная радость в жизни, ради которой мне и помереть не жалко. К слову сказать, когда я помру, тело мое обмойте не водой, а добрым сакэ, и гробом мне пусть послужит бочка из-под вина, что делают в Итами⁴⁵. А похоронить меня прошу на горе с вишневыми деревьями или же в лощине, где растут клены. Когда люди придут полюбоваться на весеннее цветение вишен или на клены в осеннем багрянце, они прольют на землю хоть немного сакэ, и оно дойдет до моих косточек. Поймите, мамаша, если я и после смерти не собираюсь расставаться с сакэ, могу ли я отказаться от него при жизни?!

С тех пор Дамбэй стал бражничать пуще прежнего, не разбирая, ночь стоит на дворе или день. Случалось, что по пять, а то и по семь дней кряду он валялся в постели мертвецки пьяный. Немудрено, что все остальные дела пошли у него побоку.

Беспрестанно тревожась о сыне, матушка Дамбэя занемогла и вскоре скончалась. А Дамбэй даже в день ее смерти был не в силах подняться с постели. Лишь по прошествии времени, чуточку протрезвев, он спохватился и принялся горевать, да было уже поздно.

⁴³ Го – настольная игра китайского происхождения.

⁴⁴ ...не больше пяти мерок. – Одна мерка (го) соответствует 0,18 л.

⁴⁵ Итами – местность в провинции Сэтцу (ныне префектура Хёго), славившаяся производством сакэ.

Кичливый силач

Судья поднял свой веер⁴⁶ и стал посередине площадки, огороженной четырьмя столбами. Вслед за ним на помост вышли нанятые устроителем состязаний борцы высшего разряда Маруяма Дзиндаю, Ваканоскэ и Цутаноскэ, а также их противники: Тобира Татээмон, Сиогама и Сирафудзи. Представившись публике, они заняли свои места по левую и правую сторону от помоста, после чего началась предварительная часть соревнований, в которой выступали новички да всякая мелкая сошка.

По мере того как на помост поднимались всё более именитые борцы-тяжеловесы, число зрителей стало возрастать, а поскольку соревнования были приурочены ко дню праздника храма Компира⁴⁷, о чем людей оповестили заранее, вскоре народ повалил толпой, и между круглыми подушками для сидения даже шила негде было воткнуть. Да и кому не захочется поглядеть на сноровистых борцов из Камигаты и деревенских силачей!

После этих состязаний увлечение сумо распространилось по всей провинции Сануки, и многие тамошние жители, вплоть до пастухов и сборщиков хвороста из горных селений, обзавелись набедренными повязками из узорчатого шелка и, как одержимые, принялись осваивать все сорок восемь приемов борьбы. Пристрастившись к этому дурацкому занятию, они даже не боялись на всю жизнь остаться калеками.

Жил в тех краях юноша по прозвищу Марукамэя Сайхэй, который если и мог чем похвастаться, то разве только своею силой. Не так давно снискал он славу на поприще сумо и взял себе имя Араисо, что значит «Неприступный берег». Будучи сыном богатого горожанина, владельца известной меняльной лавки, он мог бы избрать для себя занятие и поприличней. Люди порядочные ради удовольствия играют на кото⁴⁸ или в го, занимаются каллиграфией или живописью, обучаются чайной церемонии⁴⁹, игре в ножной мяч⁵⁰, стрельбе из лука или пению утаи⁵¹. Все это вполне достойные занятия. А что хорошего в развлечении, при котором надобно раздеться догола да еще подвергать опасности свое здоровье? Сумасбродство, да и только!

– Послушай, сынок, – говаривал отец Сайхэю. – Бросил бы ты свое сумо, завел себе хороших товарищей и читал бы с ними Четверокнижие⁵².

Но Сайхэй пропускал мудрые сии слова мимо ушей. А между тем, если бы он послушался своего родителя, тот уже год или два назад вручил бы ему ключи от хозяйства и доверил вести все дела.

Как-то раз матушка Сайхэя, пустив в ход все свое хитроумие, потихоньку подозвала к себе сына и сказала ему:

⁴⁶ Судья поднял свой веер... – Жест, символизирующий начало состязаний борцов сумо. Сумо – традиционный японский вид борьбы, известный с глубокой древности.

⁴⁷ Храм Компира – знаменитый храм в провинции Сануки (ныне префектура Кагава), в котором чтят божество Компира, покровительствующее мореплавателям и рыбакам. Праздник этого храма отмечался в десятом месяце по лунному календарю.

⁴⁸ Кото – старинный музыкальный инструмент, японская цитра.

⁴⁹ Чайная церемония – своеобразное эстетическое времяпрепровождение. Приготовление чая и чаепитие обставлены сложным церемониалом, ведущим к внутренней сосредоточенности и молчаливому созерцанию. Возникшее из особого ритуального чаепития, практиковавшегося монахами, искусство чайной церемонии получило широкое распространение не только у привилегированных слоев японского общества, но и в городской среде.

⁵⁰ Ножной мяч (кэмари) – игра, отдаленно напоминающая футбол; игроки подкидывают мяч из оленьей кожи в воздух и передают его друг другу так, чтобы он не коснулся земли.

⁵¹ Утаи – фрагменты лирических драм, исполняемых в классическом японском театре Но.

⁵² Четверокнижие – общее название книг конфуцианского канона: «Да сюэ» («Великое учение»), «Чжун юн» («Середина и постоянство»), «Луный» (изречения Конфуция) и «Мэн-цзы» (сочинения Мэн-цзы).

– Нынешней весной тебе исполнится девятнадцать лет. Вот и поехал бы в столицу⁵³, полюбовался тамошними вишнями в цвету, а заодно и поразвлекся. Мы с отцом для того и копили деньги, чтобы ты мог их тратить. Непременно наведайся в веселый квартал Симабара⁵⁴ и, если захочешь, перезнакомься со всеми таю. Или же поезжай в Осаку, сведи дружбу с тамошними актерами – какой тебе понравится, того сразу и выкупай. А вдобавок присмотри себе хороший дом на улице Мицудэра-мати, чтобы впредь было где остановиться. Даже если ты истратишь тысячу, две тысячи рё⁵⁵, нашего богатства от этого не убудет. Положись во всем на меня, я тебе дурного не посоветую.

Но Сайхэй остался глух к ее речам.

– Напрасно стараетесь, матушка. Для меня нет большего удовольствия в жизни, чем сумо, – отрезал он.

И на сей раз не пожелал он отказаться от своего пристрастия, – видно, таким уж упрямым уродился. Единственное чадо в семье – этим все сказано. Родители поняли, что уговорами ничего не добьешься, и махнули на него рукой.

Даже приказчики в лавке, и те его осуждали:

– При таких родителях можно было бы кутить в веселых кварталах сколько душе угодно. Чем не райское житье? А молодой хозяин только и знает что жилы из себя тянуть.

Теперь, когда никто уже не докучал ему своими поучениями, Сайхэй стал налегать на мясную пищу и от этого сильно прибавил в весе. В девятнадцать лет он выглядел на все тридцать, за короткое время стал совершенно неузнаваем.

Тут вся его родня собралась на семейный совет, и в итоге решили, что, ежели Сайхэя женить, нрав его может измениться к лучшему. Вскоре нашли ему подходящую невесту и справили свадьбу. Но Сайхэй так ни разу и не вошел в комнату своей молодой жены. Не зная, что и думать, родители попросили поговорить с ним кормилицу, которая нянчила его с младенчества.

– Будет обидно, если в самом расцвете сил я растрочу их зазря, – ответил ей Сайхэй. – Я поклялся богу Хатиману⁵⁶, богине Мариси⁵⁷ и Светлому Владыке Фудо⁵⁸, что не лягу в постель с женщиной. Гореть мне огнем, коли нарушу эту клятву!

Как это ни печально, все оставалось по-прежнему: молодая жена была брошена в одиночестве, точно ненужное украшение, а Сайхэй продолжал спать в своей комнате.

– Нет у меня иных радостей, кроме сумо, – говорил он и упражнялся с еще большим рвением.

Со временем сила и сноровка его умножились, и он стал лучшим борцом сумо на всем Сикоку. При одном лишь упоминании об Араисо противники бежали, не чуя под собою ног.

– Теперь вряд ли кто осмелится выйти со мной на поединок. Я любого заткну за пояс! – бахвалился он. Неудивительно, что все вокруг его возненавидели.

Однажды в соседнем селении накануне тамошнего храмового праздника устроили состязание борцов сумо. Явился туда и Сайхэй. И вот какой-то парень из местных, подвизавшийся грузчиком, решил с ним сразиться. Он без труда приподнял Сайхэя и ловко повалил его наземь,

⁵³ ...поехал бы в столицу... – Несмотря на то что с начала XVII в. официальной столицей Японии стал город Эдо (ныне – Токио), в произведениях Сайкаку под словом «столица» («мияко»), как правило, подразумевается Киото, служивший резиденцией императоров и сохранявший престиж культурного центра страны.

⁵⁴ Симабара – знаменитый веселый квартал в Киото.

⁵⁵ Рё – весовая единица для золота, ок. 10 г. Во времена Сайкаку имели хождение золотые монеты *кобан* номиналом в 1 рё.

⁵⁶ Хатиман – синтоистский бог войны, покровитель воинов.

⁵⁷ Мариси – в японской буддийской традиции владычица небесных сфер, воплощение солнечного и лунного света. Почиталась воинами как защитница от поражений и дарительница воинской удачи.

⁵⁸ Фудо («Неколебимый владыка») – один из пяти грозных защитников буддийского учения; изображается посреди языков пламени. Отсюда – «гореть мне огнем».

так что сам несравненный Араисо с переломанными ребрами рухнул на помост, подобно лодке, разбившейся о неприступный берег. Сайхэя тут же водрузили на носилки и отправили домой.

Чего только ни делал Сайхэй, чтобы исцелиться, все было впустую, и он срывал злобу на окружающих. Стоило домочадцам допустить какую-то оплошность, как он набрасывался на них с грубой бранью. А слуг до того запугал, что они не решались войти к нему в комнату. Теперь родители были вынуждены сами растирать ему ноги и прибирать у него в постели, когда он справлял большую или малую нужду. Казалось, само Небо отвернулось от него. «Родительское наказание» – вот какое прозвище следовало бы ему теперь дать!

Из сборника «Дорожная тушечница»

Чертова лапа, или Человек, наделавший много шума из ничего

Однажды некий человек увидел, как в полдень увядают цветы вьюнка «утренний лик», и понял, что пора его собственного расцвета тоже незаметно миновала. Воистину, жизнь быстротечна и подобна дороге, по которой спешит в сумерках странник, не ведая, где остановится на ночлег. И вот, проникшись этой мыслью, решил он отправиться в паломничество по святым местам.

Людские сердца несхожи меж собой, как цветы на разных деревьях. Даже в цветущей столице всяк перебивается на свой лад, а в отдаленных провинциях – так и подавно. «Хорошо бы записать обо всем, что я там увижу. Со временем из этих записей, как из семян, могут вырасти рассказы!» Снаряжаясь в путешествие, он приготовил дорожную тушечницу и запасся изрядным количеством туши, дабы черкать обо всем подряд, не жалея слов.

«Луна светит для всех одинаково, но каждый видит ее по-своему», – любил повторять этот чудак и не уставал удивляться тому, как много в нашем изменчивом мире любопытного и забавного. Жил он неподалеку от храма Тодзиин в Китае⁵⁹. Крытая бамбуковым листом уединенная хижина, где проходили его дни, отнюдь не казалась убогой и была построена с большим тщанием. Звался этот человек Бандзаном. Его тронутые сединой волосы были острижены до плеч и гладко зачесаны. Носил он черную накидку, какую обычно носят благочестивые миряне, на мирянина он, однако, не походил, да и на монаха тоже.

По утрам и вечерам бил он в деревянный гонг и читал нараспев сутры, но не для того, чтобы, подражая Шакьямуни⁶⁰ или Бодхидхарме⁶¹, достигнуть просветления, а ради удовольствия, как иные распевают утаи. Обычно он обходился постной пищей, но ежели перепал случай полакомиться рыбой или дичью, не отказывал себе в этой радости. После долгих часов молчаливого созерцания он любил проводить время в обществе хорошеньких женщин и вдыхать аромат алоэ, исходящий от их рукавов. Однако со временем он понял, что этот аромат, равно как и запах толченых благовоний⁶², хранящихся у него в бумажном мешочке, – всего лишь дым, напоминающий о призрачности всего мирского, и отправился в путь.

Надев короткое дорожное платье и соломенные сандалии, Бандзан зашагал по ухабистым, мощенным мелким камнем улицам Киото. Но тут внезапно начался ливень, что нередко случается в весеннюю пору, и тяжелые капли застучали по его дождевой шляпе. Из-за долгих дождей вода в реке Сиракава поднялась, затопив перекинутый через нее мост и дорогу, по которой женщины из предместий носят в столицу хворост и дрова на продажу. Волны в реке вздымались высотой с дом, и пока люди беспокоились, как бы не обвалился берег, провало плотину. Жители окрестных деревень били в барабаны, оповещая всех об опасности, а тем временем по течению, словно огромные плоты, неслись рухнувшие в воду деревья. У Тре-

⁵⁹ *Китайяма* – название гор, окружающих Киото с севера. *Тодзиин* – буддийский храм, воздвигнутый в XIV в. по приказу сёгуна Асикага Такаудзи.

⁶⁰ *Шакьямуни* (Будда Гаутама) – индийский мудрец и проповедник IV в. до н. э., получивший имя Будды, т. е. Просветленного; основоположник буддийского учения.

⁶¹ *Бодхидхарма* (440?–528?) – буддийский монах; по преданию, в 475 (?) г. приехал из Индии в Китай и стал проповедовать там учение «чань» (яп. «дзэн»).

⁶² Толченые благовония (макко) из ароматической древесины аквиларии и сандала использовались во время буддийских богослужений.

тьего проспекта творилось что-то невообразимое: вода подступила к воротам храма Тёмёдзи⁶³ и хлынула внутрь. Вот уж когда святому Нитирэну полагалось сочинить свою молитву о спасении в водной бездне!⁶⁴ Как ни пытались монахи сдержать поток, под его натиском обрушились южные ворота, и статуи обоих благодетельных царей Нио⁶⁵ оказались в воде. Барахтаясь в волнах, бедняги задыхались и беспомощно пускали пузыри, но спасти их никто не мог. Кончилось тем, что они ударились о край скалы и разбились.

В тот самый день, под вечер, человек по имени Дзиндаю, торговец дровами с Седьмого проспекта, вооружившись железными граблями, вытаскивал из воды принесенные течением деревья и неожиданно поймал отломившуюся руку одного из стражей врат. В простоте душевной он изрядно подивился находке и сказал своему помощнику:

– Не иначе это лапа самого черта! Сделаю-ка я ее семейной драгоценностью, только ты об этом пока помалкивай.

Дзиндаю велел помощнику принести из дома небольшой сундук, спрятал в него находку, а воротившись домой, обвязал сундук веревкой «симэ»⁶⁶ и поставил в кладовую.

На следующий день Дзиндаю сам повсюду растрезвонил, что вытащил из воды лапу черта. Поначалу ему не верили, но поскольку торговец слыл человеком правдивым, многие загорелись желанием увидеть чудесную находку и стали его упрашивать:

– Дайте хоть одним глазком взглянуть на ваше сокровище. То-то будет о чем рассказать внукам и правнукам!

Даже среди стариков были такие, кто говорил:

– Эх, только бы увидеть чертову лапу! После этого можно и помирать спокойно.

На молодых же и вовсе не было удержу, они осаждали дом Дзиндаю, не задумываясь о последствиях. Лишь у тех, кто побогаче, кому было что терять, хватило ума не лезть на рожон.

В итоге набралось одиннадцать доброхотов, отважившихся взглянуть на сокровище Дзиндаю. Прежде чем отправиться к нему, каждый приготовился на свой лад: кто-то на прощание выпил с женой по чарке сакэ, кто-то надел кольчугу, кто-то прицепил к поясу меч, передававшийся в его семье из поколения в поколение, а кто-то сунул за пазуху горсть бобов, оставшихся с праздника Сэцубун. Остальные вооружились палками, дубинами и деревянными кольями. И хотя все они дрожали от страха, толпясь у ворот Дзиндаю, им не терпелось поскорее увидеть чертову лапу. Ныне, как и в старину, немало простецов!

Но вот наконец наступил вечер – время, которое Дзиндаю счел наиболее подходящим для осмотра своего сокровища. Сам он снарядился еще более тщательно, чем прочие, и, взяв в руку свечу, пригласил всех в кладовку.

– Лапа находится в этом сундуке, – объявил он. – Сейчас я открою крышку.

Переглянувшись между собой, все окружили сундук и заглянули внутрь. И – о, чудо! – в этот миг чертова лапа как будто шевельнулась. От испуга люди едва не лишились чувств, а тот, кто пришел с мечом, вытащил его из ножен да впопыхах и поранился. Как бы то ни было, весть о диковинном происшествии вмиг облетела город, и весь вечер в ворота Дзиндаю ломились любопытные.

⁶³ Храм Тёмёдзи – храм буддийской школы Нитирэн-сю в Киото.

⁶⁴ Вот уж когда святому Нитирэну полагалось сочинить свою молитву о спасении в водной бездне! – Согласно легенде, монах Нитирэн (1222–1282), основатель буддийской школы Нитирэн-сю, отправляясь в ссылку на остров Садо в 1271 г., написал молитву о спасении в волнах.

⁶⁵ Нио – два царя, божества индийской мифологии, вошедшие в буддийский пантеон как боги-хранители и защитники учения Будды. Статуи царей Нио воинственного и грозного вида помещались по обе стороны ворот, ведущих в буддийский храм.

⁶⁶ Вережка «симэ» – толстый жгут из соломенных веревок с вплетенными в них полосками белой бумаги. В соответствии с синтоистской традицией, используется для огораживания сакрального пространства. Комизм описываемой Сайкаку ситуации заключается в том, что в качестве святыни выступает лапа черта.

А наутро стало известно о двух статуях, унесенных водой из храма Тёмёдзи, и теперь все вокруг потешались над событиями минувшего вечера. Дзиндаю же, который наделал столько шума из ничего, с тех пор величали не иначе, как «Вторым Ватанабэ-но Цуна»⁶⁷.

⁶⁷ *Ватанабэ-но Цуна* (953–1024) – храбрый самурай, по преданию прославившийся тем, что отсек лапу черту.

Долгий путь к знакомому изголовью

На побережье Авадзи, где, по слову поэта, разносится «чаек пролетный крик»⁶⁸, Бандзану довелось услышать одну поистине печальную историю. Занесло его в те края потому, что корабль, на котором он плыл, сделал остановку в бухте у острова Эдзима, и ему поневоле пришлось дожидаться здесь утра. Унылое это было место. В старинной песенке поется о «цветущем Эдзима». И где только привиделись цветы тому, кто сложил эту песню? Стояла весна, но нигде не видно было ни единого вишневого дерева, и вокруг было пусто, как в осенние сумерки. «Лишь в бухтах – бедные рыбацьи шалаши...»⁶⁹

В поисках ночлега Бандзан заглянул в один из этих шалашей, а там собрались местные жительницы, чтобы за чаем посудачить о том о сем. Как водится, те, что постарше, были не прочь позлословить о своих невестках.

– Поспешность никогда не доводит до добра, – произнесла одна из них с таким важным видом, что Бандзан решил расспросить ее поподробнее.

И вот что она рассказала.

Жил в той бухте рыбак по имени Китагиси Кюроку. Каждый год уходил он в восточные моря на лов сардин и тем добывал себе пропитание. Обычно вместе с ним отправлялись на промысел и его приятели-рыбаки, но прошлой осенью Кюроку отправился в одиночку.

Шло время, а Кюроку все не возвращался. Весточки о себе он подать не мог, потому что не знал грамоты, вот и получилось, что, сам того не желая, он заставил своих близких тревожиться понапрасну. К тому же осень в том году выдалась непогожая, и рыбацьи лодки тонули одна за другой.

– Видно, нашего Кюроку уже нет в живых, – сокрушались его домочадцы.

А тут еще пронесся слух, будто кто-то собственными глазами видел, как лодка Кюроку ушла под воду, а вместе с ним погребло еще двести пятьдесят рыбаков.

– Недаром было у нас недоброе предчувствие. Хорошо, что мы дома остались, – говорили друзья Кюроку, и от этого на душе у его близких становилось еще тяжелее.

Но горше всех было, конечно, жене Кюроку – она так страдала, что готова была лишиться себя жизни. Войдя в семью на правах мужа-примака, Кюроку жил с ней в любви и согласии и родителей ее почитал. Лишиться такой опоры было великим несчастьем, и все вокруг ее жалели.

Наступила зима, за нею – весна, миновал почти год, а от Кюроку по-прежнему не было ни слуху ни духу. Теперь ни у кого не оставалось сомнений в том, что он погиб. Считая день, когда он покинул родное селение, днем его кончины, близкие Кюроку пригласили священника и отслужили по нем поминальную службу, а вещи его отправили в родительский дом.

Проходит время, и горе постепенно забывается – так уж устроена жизнь. Глядя на жену Кюроку, овдовевшую в самом расцвете молодости, родственники принялись ее уговаривать:

– В твои годы обидно оставаться одной. Нашла бы ты себе мужа, утетила родителей на старости лет.

Но та и слышать ничего не хотела. В скором времени намеревалась она отречься от бренного мира, остричь волосы и провести остаток жизни, возжигая благовония и ставя цветы на божницу в память о покойном муже. Но родственники не отступались.

⁶⁸ «...чаек пролетный крик...» – цитата из пятистишия (танка) Минамото-но Канэмаса (конец XI в.). Перевод В. С. Сановича.

⁶⁹ «Лишь в бухтах – бедные рыбацьи шалаши...» – цитата из пятистишия Фудзивара-но Садаиэ (1162–1241). Перевод А. Е. Глускиной.

– Рассуждать так может лишь дочь, забывшая о своем долге перед родителями, – твердили они и в конце концов уговорили ее снова выйти замуж.

Вскоре выбрали счастливый день и назначили свадьбу. В мужья ей достался Коисоно Мокубэй, рыбак из того же селения. И наружностью своей, и сноровкой превосходил он Кюроку, – и захочешь придраться, да не к чему. Готовясь к встрече нового зятя, родители женщины радовались, а родственники и подавно воспрянули духом. Чтобы не ударить в грязь лицом, свадьбу сыграли по всем правилам: жених, как положено, облачился в хакама⁷⁰, а невеста украсила прическу самшитовым гребнем. Когда молодые приступили к троекратному обмену чарками сакэ, в дошатую дверь их ветхой лачуги полетели камешки – подобный обычай существует повсюду и объясняется не чем иным, как завистью к счастливым жениху и невесте. С наступлением ночи, когда шум поутих, новобрачные улеглись в постель и сдвинули изголовья. Тут женщина как-то само собой забыла прежнего мужа и отдала свое сердце Мокубэю.

Утомившись за вечер, все в доме крепко спали, когда из дальних краев неожиданно-негаданно воротился Кюроку. Войдя в дверь без спросу, как и пристало хозяину, он напрямик направился в спальню к жене, по которой сильно стосковался за время разлуки. Сквозь оконце, выходящее на юг, уже пробивались солнечные лучи, и небрежно рассыпавшиеся по изголовью волосы показали Кюроку еще прекрасней, чем прежде. «Краше моей жены нет женщины в нашем селении», – с гордостью подумал он и пристроился в постели рядышком с нею. Женщина тотчас же проснулась и, вскрикнув от неожиданности, залилась слезами. Вслед за тем из-под одеяла показалась голова оторопевшего Мокубэя.

– Как это понимать? – произнес Кюроку, закипая гневом.

Женщина стала объяснять, отчего да почему так произошло, но Кюроку не пожелал слушать никаких оправданий. Вот что значит злая судьба! Самым обидным для него было то, что из всех мужчин его жена выбрала именно Мокубэя, с которым они давно уже враждовали! В тот же миг в душе Кюроку созрело решение, но прежде, чем его осуществить, он рассказал жене о мытарствах, которые ему пришлось претерпеть, пока его лодку носило по бушующему морю. После этого он взял нож, убил сначала жену, потом Мокубэя, а напоследок себя самого. Для жителя захолустного рыбацкого поселка это был поистине удивительный поступок!

⁷⁰ *Хакама* – широкие штаны в складку, первоначально принадлежность костюма придворного и воина-самурая; впоследствии их стали носить и простолюдины в качестве церемониальной и праздничной одежды.

Чудесные звуки барабанчика, завлекшие странника

Как ни хотелось Бандзану подольше остаться в Киёмигата⁷¹, с первыми рассветными ударами колокола он пробудился ото сна, покинул свой ночлег и снова отправился в путь.

Холодный ветер раскачивал сосны на мысу Ми-хо. Слева от бухты Таго высился мрачный горный перевал Сатта, откуда доносились унылые крики обезьян. С побережья вспорхнула стая чаек, и от этого окрестный вид сделался еще более печальным. Над котлами, в которых выпаривали соль, поднимался легкий дымок. Белые облака окутали Фудзи, и давнее намерение Бандзана посвятить этой знаменитой горе какие-нибудь шутейные стихи так и осталось втуне. Путь его лежал в сторону Юи и Камбары⁷², где вылавливают диковинную рыбу по названию «ягара» – «стрела»⁷³. Чтобы разогнать сон, он закурил трубку и побрел по камышовому лугу, за которым следовала сосновая роща, открытая всем ветрам. Недолго думая, он сел в лодку, переправился на другой берег реки Фудзикава и оказался в долине Укисима. Оттуда ему пришлось идти по заросшему сухим мискантом полю. И тут перед взором Бандзана предстала гора Асигара во всем ее великолепии. С тех пор как он с дорожным посохом в руке отправился в странствие, ничего подобного ему еще не доводилось видеть. Вот уж истинная отрада для глаз!

Горную тропу обступали усыпанные плодами кусты бадьяна, цвели камелии, а увядшие листья плюща казались еще более яркими, чем осенью, и скрашивали своей зеленью неприглядность скал. Струящийся по склону ручеек замерз и подернулся льдом. Вершина горы была убелена снегом, как старец сединами. На пути то и дело попадались дубовые пни, – видно, когда-то здесь жгли уголь, но печей нигде уже не было. Пробираясь сквозь густые заросли покрытого инеем низкорослого бамбука, Бандзан замочил рукава своего платья. «Поскорей бы выглянуло солнышко!» – подумал он, но ни один луч не проникал в это сумрачное царство.

Неожиданно дорога пошла под уклон и вывела Бандзана к какой-то пещере, откуда доносились звуки барабанчика, едва различимые сквозь плеск волн в озере неподалеку.

«С чего бы это в горной глуши играли на барабанчике?» – удивился Бандзан, насторожил слух, и почудилось ему, что в пещере и вправду кто-то есть. В тот же миг перед ним мелькнули рукава одеяния из тончайшего алого шелка, и на него повеяло ароматом благовоний. Бандзана вдруг стало клонить ко сну. Притаившись за криптомерией, он заглянул в глубь пещеры и увидел совсем еще юную девушку дивной красоты.

«Странно, – подумал Бандзан, – что она живет здесь одна, вдали от людей».

Девушка заметила Бандзана, однако не проронила ни слова и даже не улыбнулась. «Уж не изображена ли она на картине?» – засомневался Бандзан. Пересилив страх, он подошел поближе и спросил:

– Как ты здесь очутилась?

И вот что он услышал в ответ:

– Я прихожусь дочерью человеку по имени Тёдзо, виноторговцу из города Футю в Суруге. Когда мне исполнилось девять лет, матушка моя умерла и вскоре отец снова женился. Так уж повелось на свете, что мачехи редко благоволят к падчерицам, меня же моя мачеха люто возненавидела. Но я всей душой почитала ее и старалась ей угодить. В ту пору, когда миновала моя тринадцатая весна, у мачехи появился возлюбленный. Мало-помалу люди проведали об этом и стали шептаться у нее за спиной. Чтобы выгородить себя перед отцом, мачеха представила дело так, будто возлюбленный ходит ко мне. «Какое бесстыдство!» – вскричал отец и учинил мне допрос. «Если рассказать все, как есть, – подумала я, – мало того что за мачехой

⁷¹ *Киёмигата* – название части морского побережья в нынешней префектуре Сидзуока.

⁷² *Юи, Камбара* – почтовые станции на дороге Токайдо.

⁷³ *Ягара* – рыба из класса лучепёрых с длинным тонким телом, похожим на стрелу.

утвердится дурная слава, так еще и слуга, который был посредником в ее любовных делах, подвергнется смертной казни, а я прослышу неблагодарной дочерью. Уж лучше взять вину на себя и пожертвовать собой ради спасения других. Ведь именно так велит нам долг чести и послушания родителям». В тот же вечер я написала записку, в которой сознавалась в мнимом своем прегрешении, тайком выскользнула из дома и нашла прибежище в этих горах. Пять дней я не брала в рот ни еды, ни питья, только читала по памяти сутры и молилась, а на шестой день слегла и уже не могла подняться. «Вот и пришел мой смертный час», – решила я, но вдруг произошло чудо: воздух наполнился благоуханием, и в рот мне потекли капельки росы. В тот же миг я почувствовала, что оживаю, и силы вернулись ко мне. Время от времени с неба спускался божественный отрок и играл со мной. Тело мое сделалось невесомым, я перестала ощущать жажду, голод и холод и забыла о существовании времени. Когда зацветают азалии, я знаю, что наступила весна, начинают осыпаться каштаны – для меня это знак, что пришла осень. Вот уже тридцать лет, как я живу в этих горах. Мне дарована волшебная сила, благодаря которой я знаю обо всем, что происходит у меня на родине. Семнадцать лет назад мачеха моя умерла, а меня вот судьба пощадила – недаром говорят, что Небо милосердно. Как удивительно, что вы оказались в этих местах, куда редко заглядывают странствующие монахи, и я смогла излить перед вами душу!

Рассказ девушки был поистине необычаен, словно какая-то повесть из старинной жизни. Бандзану казалось, что он внимал ей совсем недолго, а между тем в мире людей прошло целых три дня.

На возвратном пути Бандзан наведлся в Футю и остановился там на ночлег. Утром он рассказал хозяину постоялого двора о таинственной пещере и ее обительнице. Тот всплеснул руками:

– Человека по имени Тёдзо давно уже нет на свете, да и родня его, похоже, вся вымерла. И впрямь диковинная история! Не могли бы вы проводить меня к тому месту в горах?

Прихватив с собой двух или трех человек, хозяин вместе с Бандзаном отправился к той пещере. Но там обнаружили они лишь барабанчик да платье из тонкого шелка. Самой же девушки и след простыл.

Кому веселая свадьба, а кому – река слез

Странствуя по провинции Исэ, Бандзан остановился на ночлег в городке Ямада. Но не успел он заснуть, как его разбудил страшный грохот. Возле одного из домов неподалеку собралась толпа людей, и все они пригоршнями метали в двери камешки, собранные на берегу реки Исудзу. Впору было подумать, что рушится Небесный грот⁷⁴.

Удивленный Бандзан спросил у хозяина постоялого двора, что там происходит, и тот объяснил:

– Это на соседней улице празднуют свадьбу. С тех пор как боги-прародители вступили в брачный союз, вошло в обычай швыряться камешками в дом молодоженов. Видно, зависть к счастью молодых не дает людям покоя!

Бандзан и хозяин от души рассмеялись.

На следующее утро Бандзан покинул те края и отправился на восток, а на обратном пути снова заночевал на этом постоялом дворе. И хозяин рассказал ему удивительную историю, предварив ее такими словами:

– Даже самый последний дурак не заслуживает, чтобы над ним измывались!

Когда Бандзан останавливался здесь в прошлый раз, свадьбу справлял торговец по имени Мацудзакая Сэйдзо с улицы Накадзэко. Дело свое он вел с умом, но во всем остальном был доверчив до глупости.

Как-то раз вечером любители распевать утаи собрались на очередное занятие. Помимо Буэмона, учителя, там были Хикодзаэмон, Токускэ, Мацуэмон и Синскэ – всё приятели Сэйдзо.

– Что-то наш Сэйдзо сегодня опаздывает, – заметил кто-то из них.

– Да уж, – подхватил Хикодзаэмон. – С тех пор как он женился этой весной, его из дома не так-то просто выманить. Даже днем знай себе валяется в постели. Много странного случается в мире, но кто мог подумать, что этому страхолюдному простофиле достанется в жены такая красавица? Непонятно, куда смотрел бог Удзигами⁷⁵. И вот что противнее всего: захожу я к ним позавчера, а они среди бела дня нежатся подле котачу⁷⁶. Увидели меня, натянули на себя одеяло и притворились, будто спят. Разве люди порядочные так поступают?

Все дружно закивали, а кто-то сказал:

– Вообще-то я не завистлив, но как подумаешь, какую красотку отхватил себе Сэйдзо, прямо зло берет. Давайте-ка попробуем их разлучить.

Не успел он договорить, как явился Сэйдзо.

Для начала побеседовали о том о сем, после чего Мацуэмон, напустив на себя озабоченный вид, произнес:

– Мы приятельствуем с тобой много лет и считаем своим долгом по-дружески тебя предостеречь. Как это ни печально, речь пойдет о твоей супруге. Все вокруг только и толкуют что о ее красоте, да и одевается она так, что не придерешься. Но почему же в таком случае, кроме тебя, не нашлось охотников жениться на ней? Оказывается, на то есть причина, и пресерьезная, только мало кто об этом знает. Дело в том, что жена твоя страдает падучей болезнью. С наступлением холодов у нее наверняка начнутся припадки, так что жизнь твоя в опасности.

⁷⁴ *Небесный грот* (Ама-но ивато) – Согласно японскому мифу, богиня солнца Аматаэрасу, обидевшись на своего брата Сусаноо, скрылась в Небесном гроте, после чего мир погрузился во мрак.

⁷⁵ *Удзигами* – синтоистский бог – хранитель рода и семейного очага. В феодальной Японии каждая семья поклонялась своему богу Удзигами, которым считался либо дух далекого предка, либо божество, особенно чтимое данной семьей.

⁷⁶ *Котачу* – очаг в полу, отапливаемый древесным углем; над ним ставилась деревянная решетка в виде невысокого столика, покрытого одеялом.

Мы сами лишь недавно узнали об этом от одного сведущего человека, который искренне о тебе беспокоится.

Пораженный до глубины души, Сэйдзо воскликнул:

– А что это за болезнь такая?

– Женщина, подверженная этой болезни, способна на любое сумасбродство. Например, она может раздеться догола и среди бела дня выбежать на улицу. Болтать о чем не положено. Бить посуду и прочую домашнюю утварь. Кидаться с кулаками на прислугу. Резать и рвать на куски циновки. Наконец, она может вцепиться зубами в горло собственному мужу.

Еще много всяких небылиц наплел Мацуэмон. Слушая его, Сэйдзо менялся в лице.

– О, боги! – простонал он и замолк. Потом, словно очнувшись, вздохнул: – Да, видно, тут уж ничего не поделаешь...

Было ясно, что слова Мацуэмона он принял за чистую монету.

– Ну что же, спасибо вам за предупреждение. Холода вот-вот начнутся, так что я, можно сказать, уберегся от верной гибели, – произнес Сэйдзо на прощание и отправился восвояси.

Не успела за ним закрыться дверь, как приятели разразились громким хохотом. В тот вечер они не стали разучивать утай и до утра просидели за разговорами.

А Сэйдзо, воротившись домой, призвал к себе жену и объявил:

– С этого дня можешь считать себя свободной. Немедленно отправляйся к родителям!

С этими словами он тут же написал и швырнул ей разводный лист.

Жена залилась слезами:

– Объясните, что произошло? Неужто кто-то меня оговорил? Скажите мне все как есть.

– Нечего нюни распускать! Слезами меня не проймешь! – отрезал Сэйдзо и прогнал несчастную из дома. Как ни обидно ей было, пришлось смириться, такова уж женская доля.

Узнав о случившемся, родители ее воскликнули:

– Вот уж странно так странно! Вы так ладно жили между собой, что люди ставили вас другим в пример, а тут на тебе! Видно, ты что-то набедокурила, скверная девчонка!

Они заперли дочь в дальней комнате, а сами позвали свата Ситиэмона и рассказали ему, как обстоит дело.

– Ушам своим не верю! – вскричал сват. – Если бы ваша дочь и впрямь чем-то не угодила Сэйдзо, он в первую очередь поставил бы в известность меня. Я теперь же схожу к нему и разведу, что да как.

Едва увидев свата, Сэйдзо набросился на него с упреками:

– Не ожидал я от вас, Ситиэмон-доно⁷⁷, такого коварства. Вот уж, право, удружили так удружили, сосватали мне жену с этакой болезнью!

– С какой еще болезнью? Впервые об этом слышу. Объясните же наконец, в чем дело.

Сэйдзо пересказал свату все, о чем узнал накануне от друзей.

– Так-то вот, Ситиэмон-доно. А холода уже не за горами. Вряд ли люди врут.

– Да мне и во сне не могло такое присниться, – пробормотал сват и, озадаченный, удалился.

Время летит быстро, холода миновали, и с наступлением первых теплых дней отвергнутая Сэйдзо жена принарядилась и вместе с матерью вышла из дома, чтобы посетить каждого из пяти его товарищей, столь жестоко ее оговоривших. В кимоно модной расцветки, подол которого изящно отгибался при каждом шаге, молодая женщина казалась еще прелестней, чем прежде, – прохожие на нее так и заглядывались.

Каждому из друзей Сэйдзо она говорила:

– Холода прошли, а я, как видите, совершенно здорова. Даже простуда меня не берет.

Напоследок она явилась к своему бывшему мужу и, сказав ему:

⁷⁷ Доно – гонорифический суффикс со значением «господин».

– Ничего худого со мною не приключилось, можете сами убедиться! – тотчас же ушла.

Только теперь Сэйдзо понял, что дружки нарочно ввели его в обман, дабы разлучить с любимой женой. А тут еще, как назло, все его знакомые не переставали удивляться:

– Почему вы расстались со своей красавицей женой? И добрая она, и приветливая. Да такие женщины встречаются одна на тысячу!

Они жалели Сэйдзо, как будто он по неосторожности выронил кошель, набитый деньгами. А кто-то ненароком обмолвился:

– Говорят, она снова собирается замуж. Везет же тому, кто сумел заполучить такое сокровище.

До чего же горько было Сэйдзо все это выслушивать!

Между тем наступил конец года, и Сэйдзо по обыкновению засел было за амбарные книги, однако тут же их бросил, решив, что теперь эти хлопоты ни к чему, ведь встречать Новый год ему не с кем. Жизнь стала ему немила, и с утра до вечера он только и знал, что повторять: «Вот жалость-то, вот досада!»

Перед праздником он не сходил к цирюльнику, не заказал себе нового нарядного кимоно, не стал украшать горку Хорай⁷⁸, не купил лангустов, не поставил у ворот украшение из сосны и бамбука. Зачем, если рядом нет любимой жены? А потом и вовсе слег в постель.

В первый день Нового года ярко светило солнце, на небе не было ни облачка. За дверью то и дело слышались голоса желающих поздравить его с праздником, но Сэйдзо всякий раз приказывал слуге: «Скажи, что я маюсь животом и не встаю», – да поглубже зарывался в одеяло.

Спустя какое-то время с улицы донесся шум и оживленный говор – мимо его дома проходила свадебная процессия. Ребятишки задорно выкрикивали: «Окатить жениха! Окатить жениха!»⁷⁹ Им вторили взрослые.

Сэйдзо вскочил с постели и выглянул наружу.

– О, никак, это Магоскэ из нижней части города! – воскликнул он. – На ком же он женится?

– Еще в начале зимы они с невестой обменялись свадебными подарками, – отвечал слуга Тароскэ. – А женится он на вашей бывшей супруге.

Тут Сэйдзо не выдержал и с возгласом: «О, наказание!» – скрылся за дверью.

После этого ничто уже не влекло Сэйдзо к суетному миру, и в конце концов он задумал убить пятерых своих приятелей, обманом вынудивших его расстаться с женой, равной которой не найти на свете, а затем и самому свести счеты с жизнью. Отперев сундук, он достал оттуда короткий меч и, как был, с нечесаными, всклокоченными волосами, помчался к Хикодзаэмону.

В доме Хикодзаэмона новогодний пир шел полным ходом. Домочадцы, разряженные по случаю праздника, обменивались чарками сакэ. Над входом висела вервь симэ⁸⁰ – залог тысячетелетнего процветания всего семейства.

– Где хозяин? – вскричал Сэйдзо, ворвавшись в дом.

– Он отправился к знакомым с новогодними поздравлениями.

– Решил от меня скрыться? Не выйдет! Я все здесь переверну вверх дном!

Сэйдзо выхватил меч из ножен и стал носиться по дому, заглядывая в каждый угол. Испуганные ребятишки выскочили на улицу, всполошились люди в соседних домах.

⁷⁸ *Хорай* (кит. Пэнлай) – мифический остров в океане с горой Счастья. По даосскими поверьям, там обитают бессмертные. В старину на Новый год в японских домах устанавливали миниатюрную горку Хорай, украшая ее ветками сосны, листьями папоротника, рисовыми колосьями, лангустом, апельсином дай-дай и прочими символами счастья, изобилия и долголетия. У ворот домов ставили новогодние украшения (кадомацу) из веток сосны и стволов бамбука.

⁷⁹ «*Окатить жениха! Окатить жениха!*» – В соответствии со старинным японским обычаем, в новогодний праздник новобрачного полагалось облить водой.

⁸⁰ *Симэ* – здесь: новогоднее украшение в виде веревки из рисовой соломы с прикрепленными к ней апельсинами, водорослями, лангустами, листьями папоротника и другими символами счастья и долголетия. Вывешивалась над воротами или перед входом в дом.

– Что там происходит? И это в новогодний праздник! – возмущались они, спеша запереть двери.

Поскольку Хикодзаэмона дома не оказалось, Сэйдзо побежал к Мацуэмону, потом к Токускэ, но никого не застал – все они ушли в гости с новогодними поздравлениями. Пока он метался туда-сюда, размахивая обнаженным мечом, прохожие холодели от страха.

– Слыханное ли дело устраивать в праздник такое бесчинство?! Да это настоящий разбой! Уймите голову!

Кто-то при виде его бросался наутек, опрокидывая выставленные у ворот украшения из сосны и бамбука.

Под конец Сэйдзо нагрянул к учителю пения Буэмону. Тот оказался дома, и, хотя Сэйдзо изрядно напугал его своим видом, учитель сказал:

– Прежде всего успокойтесь. Сейчас мы все уладим.

Из уважения к учителю Сэйдзо немного утихомирился. Буэмон же тем временем вызвал квартального старосту. Тот попытался урезонить Сэйдзо, но Сэйдзо и слушать его не стал. Тогда Буэмон призвал на помощь околоточного надзирателя, а также настоятеля приходского храма и лекаря Сюнтоку, и в конце концов общими усилиями им удалось отговорить Сэйдзо от его безумной затеи.

– Ладно, – согласился Сэйдзо. – Так и быть, я не стану их убивать, но в отместку разлучу всех пятерых с женами.

На том и порешили.

Сэйдзо сразу же приступил к осуществлению задуманного. Являясь к каждому из своих бывших приятелей, он собственноручно собирал пожитки их жен и одну за другой препровождал к родителям. У некоторых был полон дом ребятишек, и они безмерно горевали, вынужденные ни с того ни с сего разлучаться с мужьями. Жене Буэмона уже минул шестьдесят один год, но даже ее Сэйдзо не пощадил.

– Мы с мужем прожили вместе сорок три года, – сетовала старушка. – Легко ли расставаться на старости лет? Вот беда-то! – Ей и в самом деле было от чего сокрушаться.

Так или иначе, никому не простительно злословить и возводить напраслину на людей!

Драконов огонь, что засиял во сне

До чего же красивая радуга! Кажется, будто по ней, словно по горбтому мосту, только что спустился на землю храм Кимидэра. Здесьние места так хороши в вечерний час, что могут сравниться лишь с живописными окрестностями озера Бива в Оми, перед ними меркнет даже величественная красота горы Хиэйдзан⁸¹. Осенний ветер играет растущими на побережье белыми хризантемами; глядя на них, впору подумать, что это колышутся на волнах отраженья небесных звезд. Здесь, в бухте Ваканоура, стоит тысячелетняя сосна, на которой, по преданию, ночевала звезда Ткачиха.

Рассказывают, будто каждый год в ночь на десятое число месяца фумидзуки⁸² на этой сосне ярко загорается драконов огонь. Всякий раз сюда стекается народ; мужчины и высокого, и низкого звания катаются в лодках с красавицами, подобными деве из храма Тамацусима⁸³, пьют вино и распевают песни. Или же, перебирая струны бивы⁸⁴, любят окрестными видами, ибо до них, как считают иные гордецы, далеко даже красотам реки Сюньян⁸⁵, коими восхищался Бо Лэтянь⁸⁶, поглаживая свою бородку.

По мере того как сгущаются сумерки и на море поднимаются волны, зрителей, собравшихся на берегу, охватывает все большее нетерпение. Они не замечают даже взошедшей на чистом небе луны.

– Вот-вот зажжется драконов огонь. Об этом чуде можно будет потом весь век рассказывать! – переговариваются между собой люди и с таким усердием всматриваются в даль, что у них начинает ломить шею, а глаза щиплет от соленого ветра.

Кто-то из местных жителей объяснил Бандзану, что, согласно старинному преданию, увидеть драконов огонь дано не каждому. Лишь тот, в ком вера крепка, кто не возводит хулу на ближнего и не гневается понапрасну, словом, тот, кого можно назвать живым Буддой, способен увидеть это дивное сияние, да и то если повезет.

Не успел Бандзан услышать это, как сквозь толпу стал бесцеремонно проталкиваться какой-то человек. Перебирая четки на длинном шнуре, он воскликнул:

– Смотрите же, вот он, драконов огонь! – и, зажмурив глаза, опустил голову.

Вслед за ним многие в толпе загомонили:

– И я вижу! И мне повезло! Разве это не доказывает, что я ни разу ни на кого не возвел хулы? – Наморщив лоб, люди всматривались в огоньки на рыбацких лодках, как видно, принимая их за драконов огонь. Таких людей на каждый десяток приходилось по семь, а то и по восемь.

И только двое или трое, смущенно почесав в затылке, говорили:

– Похоже, мы безнадежно погрязли в грехе. Уж все глаза проглядели, а толку никакого.

И это была чистая правда!

⁸¹ *Хиэйдзан* – гора к северо-востоку от Киото, где располагался знаменитый монастырь Энрякудзи, главная святыня школы Тэндай.

⁸² *Фумидзуки* – название седьмого месяца по лунному календарю.

⁸³ *Дева из храма Тамацусима* – Сотоори-химэ, возлюбленная императора Ингё (412–453), прославившаяся своей красотой и поэтическим даром. Почитается как одно из божеств синтоистского храма Тамацусима, находящегося неподалеку от бухты Ваканоура.

⁸⁴ *Бива* – музыкальный инструмент, похожий на лютню. Имеет четыре или пять струн; был заимствован в VIII в. из Китая.

⁸⁵ *Сюньян* – иное название реки Янцзы.

⁸⁶ *Бо Лэтянь* (Бо Цзюйи; 772–846) – знаменитый китайский поэт.

Бандзан почувствовал, что этак и ему вряд ли удастся увидеть драконов огонь, и решил провести ночь в храме перед алтарем бодхисаттвы Каннон⁸⁷. Для начала он почитал «Сутру о Внимающем Звукам Мира»⁸⁸, а потом незаметно задремал.

И привиделось ему, будто предрассветное небо затянулось пурпурными облаками, ветер на море стих, волны озарились золотым сиянием, вскипели брызги и зазвучала чарующая музыка.

Не успел Бандзан надивиться на эти чудеса, как из воды вышло несколько десятков отроков с волосами, разделенными на две пряди и завязанными кольцами на ушах, неся на вытянутых руках огромный лазоревый светильник.

Вслед за ними появилось множество каких-то диковинных существ в драгоценных шлемах. Приглядевшись, Бандзан понял, что это моллюски в головных уборах из рыбьих хвостов и плавников. Сыграв мелодию на духовых и струнных инструментах, они повесили лазоревый светильник на сосну, а затем прямо в воде упали на колени и склонили головы в сторону храма.

Тут дверцы священного ковчега сами собой распахнулись, и явился бодхисаттва. Подняв кверху цветок лотоса, он молвил: «Хвалю вас, рыбы», – и, трижды кивнув, скрылся в ковчеге. Вслед за ним исчезли в волнах и все обитатели морского царства.

В этот миг зазвонили утренние колокола, и Бандзан проснулся. От радости, что он сподобился дивного видения, из глаз его хлынули слезы.

Как тут было не посмеяться над теми, кто накануне разыгрывал из себя великих праведников?!

⁸⁷ *Каннон* (санскр. Авалокитешвара – букв.: «Внимающий Звукам Мира» или «Постигающий Звуки Мира») – согласно буддийским верованиям, бодхисаттва, помогающий людям обрести спасение. В народной религиозной традиции Японии – богиня милосердия.

⁸⁸ «*Сутра о Внимающем Звукам Мира*» («Каннон-кё») – так в повседневном обиходе называлась XXV глава «Лотосовой сутры», повествующая о том, как бодхисаттва Каннон, принимая на земле разные обличья, чудесным образом спасает людей от неисчислимых страданий. «Лотосовая сутра» (полное название – «Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы») представляет собой цикл проповедей, произнесенных Буддой Шакьямуни на горе Гридхракута.

Опрокинутое надгробье

Решив передохнуть, Бандзан остановился в окрестностях одной из деревень Осуми⁸⁹ и в ожидании вечерней прохлады расположился возле журчащего ручья. Глядя на него, трудно было поверить, что наступило лето. Из ближней рощи, такой густой и дремучей, что ее можно было принять за лес Тадасу в столице, доносился голос кукушки, обычный для этого времени года. Нет-нет да принимался накрапывать дождь, и, хотя страннику не пристало сетовать на непогоду, настроение у Бандзана испортилось. Добравшись до деревни, он постучался в первый попавшийся дом и попросил пустить его на ночлег, но уснуть ему удалось не скоро.

Дело было накануне праздника пятого дня пятой луны⁹⁰, и люди в этой захолустной деревушке готовились к нему с не меньшим воодушевлением, чем столичные жители. Деревенские молодцы, причесанные на старинный лад, зажигали факелы. Облаченные в катагину⁹¹ старики молились перед домашними божницами и с таким упованием зывали к Будде Амиде⁹², что было любо-дорого смотреть. Женщины заворачивали в дубовые листья лепешки из темного риса, – видно, это лакомство заменяет здешним жителям то, что в столице зовется «тимакки»⁹³. Здесь Бандзану довелось впервые попробовать местный чай, который заваривают особым способом, укладывая чайный лист в прилаженные к котелку маленькие корзиночки, и подают в тяжелых чашках из Исэ. Воистину, широко разлилось милосердие государя, и нигде в нашей стране нет прибежища демонам. «Вот уж будет о чем рассказать, когда я вернусь домой», – подумал Бандзан.

Намереваясь на следующий день спозаранку снова отправиться в путь, Бандзан разложил сандалии свои и обмотки возле очага и, дожидаясь, пока они просохнут, принялся беседовать с хозяином. Вдруг откуда-то по соседству донесся пронзительный крик. «Похоже, кричит совсем юная девушка. Что с ней?» – спросил Бандзан, и хозяин рассказал ему такую историю.

Девушка эта до недавних пор находилась в услужении у матери одного знатного господина в здешней провинции. Имя ему, кажется, было Вада Таросити. На службу она поступила лет одиннадцати, не то двенадцати и пробыла в его доме года четыре. За это время госпожа очень к ней привязалась, но тут, на беду, у девушки помутился рассудок, и хозяева были вынуждены отослать ее обратно к родителям. Глядя на свою единственную дочь, которая при жизни мается, точно в аду, родители не переставали сокрушаться и обращались за помощью к целителям и заклинателям, однако все их усилия вернуть девушке разум оставались тщетны. И тут они прослышали, что в семнадцати верстах от этой деревни живет некий священник, славящийся своей чудотворной силой. Когда его пригласили к больной, он сотворил молитву, да такую действенную, что дух, вселившийся в девушку, сразу обнаружил себя и заговорил:

– Я – дух кошки, которая служила в том же доме, что и эта девушка. Старая госпожа души во мне не чаяла. Когда она трапезничала, я садилась рядышком, скромно потупив глаза. Но хозяйка и так все понимала и всякий раз угощала меня остатками морского окуня со своей тарелки, да еще гладила по голове, приговаривая: «Тигренок, мой тигренок». Если же к столу подавали какую-нибудь свежинку, а я спала на крыше или в углу чулана, она непременно меня разыскивала и потчевала. До чего же приятно мне было видеть такую заботу!

⁸⁹ *Осуми* – название одной из провинций на острове Кюсю.

⁹⁰ В пятый день пятой луны отмечался праздник Танго-но сэкку (Праздник первого дня лошади), иначе именуемый Праздником ирисов или Праздником мальчиков. Расцветающие в это время года ирисы символизируют доблесть, стойкость и успех. Один из пяти главных сезонных праздников.

⁹¹ *Катагину* – церемониальная накидка без рукавов, надеваемая поверх кимоно.

⁹² *Будда Амиды* (санскр. Амитабха – Будда Беспредельного Света) – согласно буддийским представлениям, владыка западного рая, в котором верующие возрождаются после смерти.

⁹³ *Тимакки* – рисовые колобки, завернутые в листья ириса или бамбука, которыми лакомятся в праздник Танго-но сэкку.

Но вот однажды старая госпожа отправилась навестить дочь, благополучно разрешившуюся от бремени, и я осталась одна в ее покоях. Весь день и всю ночь пролежала я на ее ночном кимоно, но хозяйка все не возвращалась, и у меня стало подводить живот от голода. Делать нечего, пришлось идти на кухню, но там в раковинке аваби, в которой я всегда получала еду, оказались лишь засохшие остатки риса, и никому в доме не было до этого дела. Забравшись на полку для посуды, я стала принюхиваться, нет ли поблизости чего-нибудь съестного. Гляжу – на маленькой голубой тарелочке лежит половина летучей рыбы. Только я протянула за ней лапу, как вбежала служанка и с криком: «Брысь отсюда! Я приберегла ее себе на вечер!» – схватила висевший на крючке деревянный пестик и со всего размаху ударила им меня по носу, а ведь у нас, кошек, это самое болезненное место. Потом она взяла меня, бесчувственную, и вышвырнула за дверь. В тот же миг в глазах у меня потемнело, все куда-то поплыло, и дыхание мое оборвалось. Возможно ли забыть такую жестокость? Тело мое эта девушка тайком ото всех закопала возле канавы, а хозяйке, когда она вернулась, сказала, будто я куда-то запропастилась. Узнай моя госпожа правду, она прочла бы по мне заупокойную молитву, но я умерла в полном небрежении и теперь уже никогда не смогу вырваться из мира бессловесных тварей⁹⁴. – При этих словах дух кошки заплакал.

Выслушав этот рассказ, родители девушки поняли, что гнев духа справедлив, и спросили:

– Чем умиловать тебя, чтобы ты покинул тело нашей дочери?

– Никаких особых желаний у меня нет, – отвечивал дух. – Поскольку все это время мне приходилось мерзнуть в стылой земле, прошу и зимой и летом ставить для меня жаровню. А если к тому же каждый месяц первого и пятнадцатого числа⁹⁵, а также в пять больших праздников⁹⁶ и под Новый год вы будете выставлять для меня приношения в виде сушеного тунца и мататаби⁹⁷, я хоть сейчас покину тело вашей дочери.

– Ну что ж, эту просьбу нетрудно исполнить. Хорошо, будь по-твоему.

Услышав эти слова, дух кошки радостно замяукал. И сразу же рассудок девушки прояснился. Жаровню же там и поныне топят исправно, дабы не прогневить кошачьего духа.

Между тем девушка снова заговорила – на сей раз грубым мужским голосом:

– Меня зовут Ёкуро, я служил в том же доме, что и эта девушка. Полюбив ее всем сердцем, я беспрестанно слал ей письма, изливая в них свои чувства. Она же не только не отвергала моих ухаживаний, но делала вид, будто я ей тоже небезразличен. Принимая ее притворство за чистую монету, я целых два года ходил, как безумный, постоянно думая о ней. Но сколько я ни ждал, встретиться с ней наедине мне не удавалось. То она говорила, что время для свидания неподходящее, то – что не может отлучиться от госпожи, но при этом никогда не отказывала напрямик. А я ведь не бог, как мне было понять, что у нее на уме? И днем и ночью жгла меня страсть, и помыслы мои неслись к ней, словно дым летучий. Если уподобить мои страдания горе, то рядом с ними сама Фудзи-сан показалась бы невысоким холмиком. И вот однажды ночью, поняв, что близок мой смертный час, я тайком пробрался к ней и стал со слезами молить ее сжалиться надо мной. Но и на сей раз она не снизошла к моим мольбам – прочь не прогнала, однако же и остаться у себя не позволила. С тех пор пища перестала идти мне в горло, и вскоре я умер от неразделенной любви. Кто мог развеять мою тоску? Как мог я избыть свою обиду?

⁹⁴ ... *вырваться из мира бессловесных тварей*. – Согласно буддийским верованиям, каждое живое существо в зависимости от кармы может возродиться в одном из шести миров: в аду, в мире голодных духов, в мире скотов (бессловесных тварей), в мире демонов асура, в мире людей и в мире небожителей. Первые три из этих миров именуются «тремя сферами зла», куда после смерти попадают грешники. Считалось, что совершенная по всем правилам молитва об умершем способна благотворно повлиять на его судьбу в следующем рождении.

⁹⁵ Первый, пятнадцатый, а также двадцать восьмой день каждого месяца считались нерабочими. В эти дни полагалось соблюдать пост и посещать храмы.

⁹⁶ *Пять больших праздников* – главные сезонные праздники, отмечавшиеся в первом, третьем, пятом, седьмом и девятом месяцах по лунному календарю.

⁹⁷ *Мататаби* – съедобная лиана, излюбленное лакомство кошек.

Душа моя не находила успокоения в могиле, но и в мир иной переселиться не могла. Только страсть моя неотступно, как тень, преследовала эту девушку. Хорошо еще, что она оказалась одержимой кошачьим духом и я смог наконец высказать все, что накопело у меня на сердце. Могу ли я простить ту, которая после моей безвременной кончины ни разу не вспомнила обо мне? Я жажду отмщения и не отступлюсь от своей мучительницы до тех пор, пока не доведу ее до гибели. Знаю, это большой грех, но какая бы суровая кара мне ни грозила, в царство теней мы отправимся вместе!

Выслушав рассказ Ёкуро, все согласились, что гнев его оправдан, и прониклись к нему состраданием. Священник произнес тайные заклинания-дхарани⁹⁸, после чего обратился к духу с такими словами:

– Сейчас я совершу по тебе заупокойную службу. А девушке этой надлежит принять монашеский постриг и молиться о том, чтобы в будущем рождении вы были с ней неразлучны.

– Ваши речи, святой отец, утешили меня, – произнес дух. И в тот же миг девушка перевернулась ничком, – видно было, что наваждения отпустили ее.

Когда с исцелившейся от недуга девушкой заговорили о Ёкуро, она его вспомнила. Узнав же о том, какие посмертные муки претерпевает его душа, она решила тотчас уйти в монастырь. Отрекшись от бренного мира и очистив свое сердце, она ставила цветы на алтарь и возжигала курения в память о том, чья жизнь истаяла подобно дыму. Отныне все ее помыслы устремились к праведному пути, и, ревностно исполняя обеты, она не замечала, как роса увлажняет рукава ее монашеского одеяния. Неразумие заблудшей души обернулось благодатным прозрением. И все же грех ее был столь велик, что не скоро мог ей проститься, поэтому всякий раз, когда она приходила на могилу Ёкуро, надгробный камень чудесным образом опрокидывался. Верно сказано: «Тот, кто единожды поддастся злему искушению, не искупит своего греха за пятьсот жизней; тот, кто отдал себя во власть страстей, не искупит своего греха во веки веков».

Побывав в этих краях летом, Бандзан снова наведаясь туда после того, как обошел всю землю Сайкайдо⁹⁹, в ту пору, когда горные вершины уже оделись снегом. Неужели и впрямь случаются на свете чудеса, подобные тем, о которых ему довелось здесь услышать? Он посетил могилу Ёкуро и, помянув молитвой душу этого незнакомого ему человека, отправился дальше своей дорогой. Могилу эту и теперь можно отыскать в густых зарослях травы возле храма Дайкакудзи. Место это так и зовется: «Опрокинутое надгробье».

⁹⁸ *Заклинания-дхарани* – содержащиеся в священных буддийских текстах магические формулы, произнесение которых способствует исцелению от болезней, просветлению сознания, устранению последствий дурных поступков, совершенных как в нынешнем, так и в предшествующих рождениях.

⁹⁹ *Сайкайдо* (букв.: Округ западного моря) – одна из семи крупных старинных областей Японии, общее название островов Кюсю, Ики и Цусима.

О монахе, который побывал в аду и в раю

Иные монахи ради наживы готовы продать самого Будду. Хитроумие их неисчерпаемо, как море, омывающее Сикоку. Не одного простака удалось им облапошить, а все потому, что людские сердца сплошь да рядом пребывают во мраке.

В конце осени установилась безветренная погода, все лодки в бухте Томари-но Исо стояли на приколе, и Бандзану пришлось задержаться здесь на ночь. С южной стороны побережье провинции Сануки окаймляют живописные горы, а растущие возле бухты вековечные сосны с причудливо изогнутыми ветвями придают окрестному виду еще большее очарование.

Неподалеку от бухты стояла заброшенная монашеская хижина, в которой играли детишки местных рыбаков, приспособив для своих забав алтарный подсвечник, вазу для цветов, курильницу, жертвенник и прочую богослужебную утварь. Глядя на них, трудно было принять за истину, что мы живем в век расцвета буддийской веры, и не посетовать на то, сколь далеки от благочестия здешние жители. «Как можно допускать подобное небрежение?» – в сердцах подумал Бандзан и заговорил об этом со стариком, несшим вязанку дров для котла, в котором варили соль. Старик опустил поклажу на уступ в скале, погладил свои белые кустистые брови и, вскинув руки на коромысло, начал свой рассказ.

Еще недавно в этой хижине жил монах по прозвищу Куракубо¹⁰⁰. Накопив немало заслуг на стезе подвижничества, он умел творить всякие чудеса. К примеру, ему ничего не стоило взойти на гору Компира и слететь легче птицы с высоты более тридцати дзё¹⁰¹. Во время его проповедей на прихожан начинали вдруг сыпаться с неба гроздьи цветов. Умея читать в людских сердцах, он видел каждого насквозь и мог с ходу отличить дурного человека от хорошего. Или, скажем, случится у кого пропажа – бедняга сразу бежит к Куракубо, и тот безошибочно указывает, где искать. И еще много разных чудес являл этот монах. Местные женщины, из верующих, молились на него, как на святого, и день ото дня богатство его росло. Поначалу он ютился в жалкой лачуге, державшейся на четырех бамбуковых жердях вместо опор и крытой чем попало, а потом выстроил себе эту благолепную обитель.

И вот прошлой весной Куракубо неожиданно объявил, что в пятнадцатый день шестой луны собирается отойти в мир иной. Готовясь к собственной кончине, он приказал соорудить для себя изукрашенный помост и оповестить о грядущем событии жителей трех провинций – Ава, Иё и Тоса.

Время быстротечно, вскоре наступила середина безводного месяца¹⁰², и из соседних провинций прибыли десятки тысяч людей. Куракубо заблаговременно распорядился построить бамбуковую изгородь длиною в четыре тё¹⁰³ и столько же шири и приготовил все для совершения обряда. В назначенный день, утром, он облачился в подобающие случаю одежды, уселся на помосте, молитвенно сложил руки и, повернувшись в сторону запада¹⁰⁴, с блаженной улыбкой на лице упокоился. В завещании Куракубо велел после смерти выставить его тело на всеобщее обозрение и обождать три дня, ибо за это время душа его должна войти в нирвану, как это

¹⁰⁰ В повести Сайкаку «История любовных походов одинокой женщины» упоминается о монахе по прозвищу «Лесной дух Сандзякубо», который обманывал народ, утверждая, что умеет летать. Многие почитали его как божество. Был казнен по обвинению в мошенничестве в 1685 году.

¹⁰¹ Дзё – мера длины, равная 3,03 м.

¹⁰² Безводный месяц (минадзуки) – старинное название шестого месяца по лунному календарю.

¹⁰³ Тё – мера длины, приблизительно равная 109 м.

¹⁰⁴ ...повернувшись в сторону запада... – Согласно буддийским верованиям, на западе, в бесконечной дали, находится «Чистая Земля» – буддийский рай.

случилось с Шакьямуни на Орлиной горе¹⁰⁵. В ожидании чуда вокруг тела Куракубо столпилось множество людей, денежных пожертвований принесли целую гору.

Спустя три дня, утром восемнадцатого числа, один из учеников покойного обратился к собравшимся с такой речью:

– Некогда Куракубо учил нас, что, пока тело умершего остается теплым, предавать его огню нельзя. Как это ни удивительно, тело учителя все еще хранит тепло.

Тогда кто-то в толпе воскликнул:

– А вдруг он еще оживет? Вот было бы славно! Второй такой священник вряд ли когда еще родится!

При этих словах покойный вдруг начал подавать признаки жизни.

– Ох, – вздохнул он и открыл глаза. – У меня такое чувство, словно я очнулся ото сна. Знайте: нынче мне довелось побывать в аду и в раю. Изо дня в день я не устал повторять, что одним из вас уготованы мучения в восьми сферах Ледяного и Огненного ада¹⁰⁶, другим же суждено возродиться в благословенном краю, усыпанном золотым и серебряным песком¹⁰⁷. Все зависит от вас самих. Будь моя воля, я взял бы с собой в это путешествие всех маловеров, сомневающих в существовании загробной жизни. Одумайтесь же, пока не поздно! В подтверждение истинности моих слов я покажу вам печать, которую оставил у меня на спине владыка ада царь Эмма¹⁰⁸.

С этими словами Куракубо сбросил с себя одежду, и все увидели на спине у него, в том месте, где находится седьмой сверху позвонок, знак «владыка», а под ним большую печать. Тут даже те, у кого оставались сомнения, поневоле уверовали в существование загробной жизни.

Слухи об этом чуде вскоре разнеслись по всей провинции, люди только о нем и говорили. В конце концов правитель тех земель решил проверить, правда ли это, и призвал Куракубо к себе.

– В наш век, когда буддийская вера клонится к закату, вряд ли могут совершаться подобные чудеса, – молвил он. – Надобно посмотреть, что за печать поставил на спине этого монаха царь Эмма.

Куракубо тотчас же раздели, и что же? – печать оставалась на прежнем месте, черная, словно вдавленная в кожу. Ее попробовали смыть, но ничего не получилось.

– И все же что-то тут не так, – сказал правитель. – Подвергнем-ка этого монаха пытке.

Монаха положили на спину и стали лить ему в рот воду, но он упорно молчал. Лишь под угрозой пытки раскаленным свинцом он не выдержал и взмолился:

– Пощадите меня, я во всем признаюсь. Никакого ада я не видал, все это выдумка и вздор. От рождения я был беден и пустился на обман ради денег.

– Каким же образом на спине у тебя появилась печать владыки ада? – спросили его.

– Три года назад один умелец вырезал ее у меня на коже и втер туда тушь.

– А как тебе удавалось слетать на землю с большой высоты?

– Очень просто. Чтобы освоить эту премудрость, я упражнялся целых два года, взбираясь каждый раз все выше и выше. Но я научился лишь прыгать вниз, взмывать же вверх не умею.

В общем, Куракубо рассказал обо всем без утайки и полностью признал свою вину.

¹⁰⁵ ...как это случилось в свое время с Шакьямуни на Орлиной горе. – Орлиная гора (Рёдзюсэн; санскр. Гридхракута) – гора, расположенная в Индии, место, где, по преданию, проповедовал Будда Шакьямуни.

¹⁰⁶ ...в восьми сферах Ледяного и Огненного ада... – Согласно буддийским представлениям и народным верованиям, существует два вида ада, каждый из которых состоит из восьми областей, – Ледяной ад, в котором грешников мучат холодом, и Огненный ад – геенна.

¹⁰⁷ ...в благословенном краю, усыпанном золотым и серебряным песком. – То есть в раю.

¹⁰⁸ Царь Эмма (санскр. Яма, кит. Янь-ван) – в буддийской традиции Китая и Японии властитель загробного мира, вершащий суд над умершими.

За подобный проступок ему полагалось отрубить голову, однако из уважения к его монашескому сану правитель избрал для Куракубо менее суровую кару: его связали, посадили в лодку-долбленку и пустили в открытое море. А что случилось с ним потом – неизвестно.

Чего только не бывает в нашем мире, переменчивом, как морские волны! Ныне об этом монахе никто уже и не помнит. В хижине его до сих пор стоит изваяние Будды Амиды, но после всего случившегося люди утратили веру и перестали ему поклоняться. Только по ночам луна заглядывает туда через разбитое оконце да временами пронзительно завывает ветер. А днем там играют ребятишки.

«Такие, как этот монах, лишь бесчестят буддийскую веру», – сказал напоследок старик.

Новая Тюдзё-химэ¹⁰⁹

В земле Хида стоит знаменитая еще со времен древних государей гора по названию Курайяма – Величаяя. Дровосеков туда не пускают, оттого и поныне на этой горе растут густые тисовые леса. Там всегда веет прохладой, и окрестные жители не знают, что такое летний зной.

Как-то раз Бандзану случилось заночевать в одном из тамошних горных селений, но уснуть он не мог из-за беспрестанного стука бёрд в ткацких станках, – недаром эта местность славится изготовлением превосходных шелковых тканей. Бандзан пошел к хозяину постоянного двора и наслушался от него всяких рассказов, среди которых оказалась и эта удивительная история.

Жил в той деревне человек по имени Окамура Дзэндаю со своей женою. Хотя обоим супругам уже перевалило за сорок лет, детей у них не было, и они очень из-за этого печалились. Долгие годы ходили они на поклонение в святилище Ацута в провинции Овари, и в конце концов боги услышали их мольбы и послали им чадо. Родилась у них девочка, да такая прелестная, что ни один младенец в селении не мог с ней сравниться. Стала она расти и в пять лет умела читать и писать, хотя никто ее этому не обучал, в семь лет начала слагать стихи, а в одиннадцать научилась ткать шелк цумуги¹¹⁰. Ткали все как будто одинаково, только другим женщинам, чтобы соткать штуку шелка, требовалось три дня, она же управлялась за полдня. И получалось на редкость красиво. Неудивительно, что семья ее вскоре разбогатела, а поскольку ко всем своим достоинствам девушка была еще и глубоко набожной, люди прозвали ее «новой Тюдзё-химэ».

Первого числа каждого месяца она совершала паломничество в храм Яцуруги, и, хотя до него несколько дней пути, всегда возвращалась домой в тот же день. Кто-то из поселян, привыкший ничего не принимать на веру, попросил ее рассказать о своих паломничествах, и девушка в подробностях описала ему провинцию Овари, а также все, что встретилось ей по дороге. Люди сведущие подтвердили: рассказанное ею – истинная правда. Что тут возразишь? Оставалось лишь удивляться ее чудесным способностям.

Но вот девушке минуло пятнадцать лет. Стала она красавицей, какую и в столице нечасто встретишь, и не было в тех краях юноши, который не мечтал бы заполучить ее в жены. Между тем родители невесты, изрядно разбогатев, не хотели отдавать дочь кому попало и никак не могли выбрать ей достойного жениха. Наконец, после долгих поисков и расспросов, прослышали они о человеке по имени Сугэгаки Ихэй, старосте соседней деревни. Он торговал лесом, и дом у него был как полная чаша. За его сына, Иноскэ, они и просватали свою дочь.

И тут произошло диво. Воспылав любовью к мужу, девушка сразу же лишилась чудесной способности в один день добираться до храма Яцуруги и возвращаться обратно, шелк она теперь ткала не быстрее, чем остальные женщины, лицо ее огрубело, а повадки стали такими же, как у любой неотесанной деревенской жительницы.

Вот какие чудеса бывают на свете!

¹⁰⁹ *Тюдзё-химэ* – дочь придворного вельможи Фудзивара-но Тоёнари, жившая в VIII веке. Преследуемая злой мачехой, удалилась в монастырь, где, по легенде, за одну ночь соткала изумительной красоты мандалу, изображающую буддийский рай.

¹¹⁰ *Цумуги* – шелковая ткань типа чесучи.

Беда, проросшая из бамбука

В стране Ивами¹¹¹, неподалеку от места, где Хитомаро¹¹², печалась о приближающейся кончине, сложил: «О, только бы успеть долюбоваться лунной пливучего, изменчивого мира...» – жил человек по имени Сакобэй. Был он беден до крайности. С крыши его лачуги свисали лианы, скрывая неприглядность расползшихся драниц, и редко над его очагом подымался дымок. Одно время была у него жена, взятая из такой же захудалой семьи, как его собственная, – недаром говорят, что на всякий треснутый горшок найдется щербатая крышка. Однако вскоре выяснилось, что она дурно обращается со свекровью, и Сакобэй прогнал ее прочь. С тех пор жил он вдвоем с матушкой, заботясь о ней, как подобает почтителю сыну. Оттого, наверное, Небо смилостивилось над ним, и за семь-восемь лет он сколотил состояние в семьдесят, а то и в восемьдесят золотых рё и сделался богачом, какие нечасто встречаются в тех краях. Источником же его доходов служили москитные сетки и пропитанные соком хурмы веера¹¹³, которые он мастерил на продажу.

Как-то раз в середине пятой луны Сакобэй отправился торговать в дальние деревни, а присмотреть за домом и матушкой попросил соседа, честного, надежного малого, предупредив его, что до завтра вряд ли вернется.

На следующее утро сосед наведлся к нему в дом, но дверь была заперта. «Бабушка! Бабушка!» – позвал он, однако та не откликнулась. «Видно, крепко спит старушка», – подумал сосед и вернулся к себе. К вечеру он снова пришел туда и увидел ту же картину.

«Странно», – подумал сосед, толкнул дверь – и что же? Старая женщина лежала в своей комнате, а тело ее и всё вокруг было залито кровью. «Будда милосердный!» – в ужасе воскликнул он, и в этот миг на пороге появился Сакобэй.

¹¹¹ *Ивами* – старинная провинция Японии, ныне соответствует западной части преф. Симанэ.

¹¹² *Какимото-но Хитомаро* (660?—709?) – один из наиболее знаменитых поэтов японской древности.

¹¹³ Бумагу пропитывали соком хурмы для прочности и для придания ей красивого коричневатого оттенка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.